

УДК 929Вайнштейн+Боровой:82-6”1940/1979”
[http://doi.org/10.18524/2304-1447.2018.2\(20\).145511](http://doi.org/10.18524/2304-1447.2018.2(20).145511)

Левченко Валерий Валерьевич¹,

кандидат исторических наук,

доцент кафедры украиноведения, историко-правовых и языковых дисциплин Одесского национального морского университета

ул. Мечникова, 34, г. Одесса, 65029, Украина,

тел.: (048) 728 31 18

e-mail: levchenko_lav@ukr.net

ЭПИСТОЛИИ О. Л. ВАЙНШТЕЙНА К С. Я. БОРОВОМУ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ИСТОРИИ ЖИЗНИ СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ 1940-х – 1970-х гг.

В статье представлены письма советского историка О. Л. Вайнштейна к коллеге С. Я. Боровому. Опубликованные эпистолии хронологически охватывают 1944–1976 гг., период их зрелой научной деятельности, наличия авторитета и ведущих позиций в среде ученой корпорации, появления основных научных трудов. Эти послания заключают в себе признание автора в дружбе и уважении к адресату и его супруге, отражают близкое коллегиальное окружение ученого, характеризуют условия повседневной жизни советского интеллектуального сообщества. Представленные материалы отображают основные вехи профессиональной деятельности двух ученых-историков, коллизии их продвижения по службе, условия адаптации в период проведения советской властью политической компании по «борьбе с космополитизмом», новости и пересуды о коллегах. Содержания эпистолий позволяют воссоздать существенные детали развития советской исторической науки, университетской системы образования и фрагменты биографии ряда ученых. Опубликованные послания воспроизводят дискуссионные вопросы историков вокруг определенных проблем советской историографии и исследований в области медиевистики, демонстрируют критические высказывания и возражения О. Л. Вайнштейна в адрес коллег. В текстах писем охарактеризовано условия написания и подготовки к публикации ряда научных изданий. Публикация эпистолий сопровождается достаточно полными комментариями по их содержанию и вводит в научный оборот ценный исторический источник.

Ключевые слова: О. Л. Вайнштейн, С. Я. Боровой, Ленинград, Одесса, Фрунзе, университет, история, историческая наука, историография, медиевистика.

Летом 1944 г., после почти двух с половиной лет эвакуации в Саратов, советский историограф, теоретик исторической науки, историк-медиевист Осип Лейбович Вайнштейн (1894–1980)² вернулся в Ленинград. Пребывая в безопасности, вдали от театров боевых действий Второй мировой войны, он, как и многие его коллеги по Ленинградскому государственному университету (ЛГУ), оказался перед лицом новых повседневных жизненных трудностей. Подобное проблемное положение было связано с необходимостью обустройства на старом месте в новых условиях послеблокадного Ленинграда, налаживанию бытовых условий для продолжения занятий педагогической и научной деятельностью. Именно начиная с этого времени и до конца 1970-х гг. продолжалась активная переписка О. Л. Вайнштейна с одним из его коллег, советским историком, специалистом по социально-экономической истории XVI–XIX вв. и в разных областях гуманитарного знания – Саулом Яковлевичем Боровым (1903–1989)³.

О. Л. Вайнштейн и С. Я. Боровой принадлежали к числу ведущих советских историков. Их знакомство состоялось в Одессе в начале XX в. Позволим себе предположить, что скорее всего это произошло летом 1920 г. в Одесском областном архиве, образованном в марте того же года. В новосозданное учреждение двадцатипятилетний аспирант Одесского общественно-гуманитарного института О. Л. Вайнштейн 21 июня 1920 г. подал заявление с просьбой предоставить место в архиве для принятия участия в разработке местных архивов, а семнадцатилетний С. Я. Боровой пришел устраиваться на работу. Сближение же двух молодых ученых, по воспоминаниям С. Я. Борового [2, с. 137], произошло в середине 1920-х гг. в Одесской центральной научной библиотеке (ОЦНБ), где О. Л. Вайнштейн последовательно занимал должности библиотекаря (1 сентября 1923–1924), заведующего библиографическим отделом (1924–1927), ученого секретаря, заместителя директора, и. о. директора (5 месяцев в 1930 г.). В свою очередь С. Я. Боровой посещал ОЦНБ, будучи студентом Одесского института народного хозяйства и аспирантом Научно-исследовательской комиссии (1927–1930) при библиотеке (научный руководитель С. Л. Рубинштейн). Увлечение занятиями наукой и многие общие темы привели к тому, что два ученых сблизились. Между ними сложились дружеские отношения, которые, несмотря на то, что О. Л. Вайнштейн в 1935 г. переехал из Одессы в Ленинград, где прожил практически всю свою жизнь, а С. Я. Боровой оставался жить в Одессе, связывали их самих и их семьи долгие годы.

Следствием дружеской связи на протяжении многих лет является переписка между двумя учеными-историками, которая отложилась пла-

стом в виде автографов в количестве 70 эпистолий в материалах личного фонда С. Я. Борового в Государственном архиве Одесской области [1]. Общее число эпистолий составляет 70 единиц разного формата и видов. Из них 34 письма и 36 почтовых открыток за период с 1944 г. по 1979 г.

Возникшая в ходе личного общения двух ученых переписка никогда не была интенсивной и продолжительной. О. Л. Вайнштейн и С. Я. Боровой обменивались посланиями от случая к случаю, часто задерживая ответ на несколько месяцев, постоянно взывая к приятельским отношениям, прося не сердиться на паузы в переписке. Точное количество отправленных и полученных писем неизвестно, и вряд ли когда будет установлено. Причиной тому – особенности сохранности материалов обоими историками.

Представленные письма используются в качестве исторического источника по истории исторической науки, позволяющих приблизиться к созданию целостного образа ученого, погруженного не только в научные исследования, но и в повседневные заботы, профессиональные устремления, выстраивание отношений с властью, начальством и коллегами. Переписка позволяет заглянуть в творческую лабораторию историка, от момента возникновения замысла до публикации и откликов оппонентов.

Документы публикуются в хронологической последовательности на языке оригинала, с приведением в соответствии с правилами орфографии и пунктуации современного русского языка. Встречающиеся в тексте эпистолий сокращения слов расшифрованы в квадратных скобках. Все материалы представляют собой рукописные оригиналы с собственноручной подписью автора.

№ 1: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград – Одесса, 18 октября 1944 г.

18/X.[19]44

Дорогой Саул Яковлевич,

Надеюсь, что это письмо дойдет, несмотря на неточный адрес – ведь не знаю ни № дома, ни № квартиры, но «дом Попудовой» – ориентир достаточный.

Итак, Вы, в Одессе. Очень, жалею, что не удалось Вам осуществить свое желание переместиться на север. Ин[ститу]т⁴ Ваш в Самарканде еще и поныне там и в этом году не вернется.

Не знаю, известно ли Вам, что я теперь в новом амплуа: директора Научн[ой] биб[лиоте]ки им[ени] Горького при ЛГУ. Это имеет большие неудобства, но выгодно для научн[ой] работы, т[ак] к[ак] все, что мне угодно, могу получить. Меня насильно заставили взяться снова за это дело, от чего кафедра моя страдает. Сверх того, я – председат[ель] Выстав[очной] комиссии по организации юбил[ейной] выставки у[ниверсите]та. Это огромная затея, на к[ото]рую уже ухлопано свыше 100 тысяч и будет вложено еще больше. Выставка откроет-

ся 19/XI. Можете легко представить себе размеры моей «нагрузки». Обедаю обычно в 12–1 ночи.

На 26/X меня вызывают в Москву на конференцию научн[ых] б[иблиоте]к. Постараюсь отбояриться. Лариса Алекс[андровна]⁵ все хворает, и нам сейчас в бытовом отношении очень сложно жить.

В Одессе моя сестра – единственный чудом уцелевший остаток моей родни, довольно обширной, как Вы знаете. Все погибли, кроме нее. Она пишет мне истерич[еские] письма, настаивая на моем приезде в Одессу «для спасения» моей дочурки. Если бы я знал, что она уже в Одессе, я немедленно приехал бы. Но ехать, чтобы сидеть там и ждать возвращения родителей моей жены (инженер А. И. Грушецкий) с моей дочкой – невозможно. Через Ленинградск[ий] НКВД и через унив[ерсите]т я дважды запросил Одесск[ий] обл[астной] НКВД о судьбе и местонахождении их, но пока нет еще ответа. Если бы Вы повидались с моей сестрой и выяснили б у нее, утвердительно ли нужен мой спешный приезд именно теперь, Вы оказали бы мне большую услугу. Ей я не совсем доверяю: она травмирована тремя годами скитаний и страха за жизнь, гибелью родных – почти на ее глазах и т[ак] д[алее]. От кого и от чего я должен спасать свою дочку? Если она жива, в чем мы уверены, то кто же ее теперь обидит? Сестра моя, Людмила Львовна Александрович, живет по Нежинской д[ом] 75, кв[ртира] 1. Если Вам нетрудно, поговорите с ней и сообщите свои соображения. Нужно ли мне ждать ответа на запросы или ехать не дожидаясь?

Заранее благодарю за дружескую услугу.

Привет Эмил[ии] Изр[аилевне]⁶ от нас обоих.

Жму руку О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 1–1 об. Автограф. Письмо.

№ 2: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград – Одесса, 29 ноября 1944 г.

Л[енингра]д, 29/XI–[19]44

Дорогой Саул Яковлевич,

Сердечно благодарю Вас за участие в моих семейных делах, а также за Вашу телеграмму. Вероятно, Лариса Алекс[андров]на побывала уже у Вас. Я до сих пор не имею сведений, когда точно она прибыла в Одессу. Предполагаю выехать на встречу моим обеим девочкам в Москву. Меня все время задерживали здесь, но если из телеграммы жены, кот[орую] я жду, выясниться необходимость приезда моего в Одессу, то я немедленно же выеду. Хотелось бы этого избежать, т[ак] к[ак] чувствую себя неважно для столь длинной дороги, а главное, потом придется дорого расплачиваться за вынужденный перерыв в работе.

У нас идет большая н[аучная] сессия⁷ (207 докладов!), к которой я развернул огромную выставку длиною в полкилометра. Посылаю Вам тезисы кое-каких ист[орических] докладов, в т[ом] ч[исле] и своего. «Гвоздем» сессии явл[яются] доклады Тарле⁸, ак[адемика] Смирнова⁹ и О. Ю. Шмидта¹⁰ (оба математ[ики]), Трайнина¹¹ (юрид.), но их тезисов у меня как раз и нет.

Если на сей раз в Одессу я не попаду, то летом уже обязательно там побываю. У меня была мысль, если приеду теперь в Одессу, не стоило ли бы использовать это для неск[ольких] лекций: 1) по теме моего доклада на сессии – для ун[иверсите]та, 2) по истории теоретических истоков гитлеризма и 3) Германия накануне катастрофы – оба доклада для более широкой аудитории.

Я здесь страдаю от холода, т[ак] к[ак] не запасся топливом и нет времени об этом позаботиться теперь. Приезд дочки вынудит меня на кардинальн[ые] меры в этом вопросе. Но пока что низкая т° ослабляет мою научн[ую] активность.

Как идет Ваша работа? Какие перспективы и планы? Освоились ли с «новой» Одессой?

Дружеский привет Эмилии Изр[аилев]не и Вам.

О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 2–2 об. Автограф. Письмо.

№ 3: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград – Одесса, 14 января 1945 г.

14/1–[19]45

Дорогой Саул Яковлевич,

Приехали мы благополучно, но нам потребовалось немало времени, чтобы войти в колею и, гл[авным] обр[азом] устроиться со Светочкой¹². Через 2–3 дня она начнет посещать детск[ий] сад, и тогда все будет в полном порядке. Но за всеми хлопотами мне никак не удавалось найти время для письма в Одессу.

Все мы шлем Вам и Эмилии Израилев[не] поздравления и наилучшие пожелания к Нов[ому] году. Судя по тому, как осложняется с каждым месяцем жизнь здесь, могу себе представить, как трудно в Одессе. От наших родит[елей] мы со времени отъезда не имели никаких новостей, хотя послали им уже три телеграммы. Так и не знаем, остались ли Грушецкие¹³, прописались ли они. Все это нас очень беспокоит.

На днях на имя ректора ун[иверсите]та пришло нелепое и смешное письмо от Поршнева¹⁴, кот[орый] претендует на «приоритет» в «открытии» роли России в 30-летн[ей] войне¹⁵. «Тезисы проф[ессора] Вайнштейна, – заявл[яет] он, – не вносят ничего принципиально нового в мысли, кот[орые] высказывались мною публично». Этому дураку даже не приходит в голову мысль, что я мог бы сказать то же самое, если бы знал его тезисы, но они нигде не напечатаны и даже не написаны¹⁶. Это стремление монополизировать каждую выигрышную тему характерно для людей его породы. Через АН он упорно добивается, чтобы я перестал заниматься данным вопросом. Ну Аллах с ним!

Примите мой дружеский привет.

Ваш О. Вайнштейн [подпись]

(Записки передал Амусину¹⁷).

Привет Алексееву-Попову¹⁸. Появилась ли его заметка о моей лекции?

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 3–3 об. Автограф. Письмо.

№ 4: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград – Одесса, 21 апреля 1945 г.

21/IV [19]45. Ленинград.

Дорогой Саул Яковлевич,

У меня нагромоздилось столько работы – и все срочной, – что я, против обыкновения, оставил на долгое время ряд писем без ответа. К тому же и Л[ариса] А[лександровна] все хворала, так что тяжесть домашних забот пала на одного меня. От родни из Одессы мы тоже получали все время неутешительные сведения.

Я закончил свою монографию о 30-л[етней] войне, готовлю к печати учебник по ист[ории] ср[едних] в[еков], который выйдет в этом году (это больше для кармана, чем для души) и одновременно имел множество др[угих] поручений. Чувствую себя из-за нервн[ого] переутомления неважно. Весна сильно подводит. Весна у нас холодная; если не топить печи, можно дома замерзнуть. На днях уезжаю на пару дней в Псков, куда придется в течении 1–2 мес[яцев] ездить регулярно.

На выписку иностр[анной] лит[ерату]ры мы получили в этом году 125 000 р[ублей] 30 к[опеек], кое-что можно выписать даже индивидуально – за свой ист.

У нас в у[ниверситете] работает комиссия по вопросу о реформе университет[ского] образования и ун[иверсите]тов, в состав этой комиссии и я вхожу. Намечается ряд интересных изменений, к к[ото]рым правит[ельств]о относится благоприятно.

Ничего из наших изданий еще не вышло в свет, хотя они доведены до верстки и отчасти даже до сигнальн[ого] экз[емпляра]. Но выход затягивается без конца.

В остальном все по-старому. Светочка полностью акклиматизировалась в Л[енингра]де. Город прихорашивается и с каждым днем все больше напоминает прежний Л[енингра]д. Ждем очень скорой развязки событий. Когда получите это письмо, Берлин надеюсь, будет в наших руках, да и вообще сопротивление всюду, по-видимому, будет уже сломлено.

Поздравляем Вас и Эмилию Израилевну с 1 мая и шлем привет.

Ваш О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 4. Автограф. Письмо.

№ 5: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград – Одесса, 24 апреля 1945 г.

Ленинград. 24/IV [19]45

Дорогой Саул Яковлевич,

Только третьего дня вернулся из Москвы, куда меня вызвали на заседание редколлегии «Вопросов истории». Дома застал, наконец, верстку своего учебника¹⁹ (только теперь!). Если такими темпами будет идти дело, то и до конца года книга не выйдет. Что касается моего исследования о Москве и 30-летней войне, то хотя Госполитиздат уверяет, что книга выйдет обязательно в этом

году, но всяких рогаток так много, что и на этот счет у меня кое-какие сомнения. Впрочем, в конце мая все будет легче. При желании они это закончат даже за 2–3 месяца, а желание у них, кажется, есть.

У нас при истфаке ЛГУ открывается Институт истории. Т[о] е[сть], я волею судеб окажусь уже в двух институтах. Не уверен в том, что умножение институтов будет означать такое же умножение научных исследований; но многих это устраивает, т[ак] к[ак] в АН состоит лишь ничтожная часть наших историков (по всеобщ[ей] ист[ории] только Массон²⁰ и я).

Работать приходится много и напряженно. Поэтому я воспользовался представившейся возможностью и приобрел для себя и жены две путевки на август в Кисловодск. Большую часть июля, возможно, проведем в Одессе, если ничто непредвиденное не помешает.

В № 1 «Вопр[осов] ист[ории]», кот[орый] впервые появился на столе редакции во время заседания, увидел с удовольствием Ваше имя в хронике о работе одесских историков.

Как Вы с Эм[илией] Изр[аилевной] собираетесь провести летний отдых? Передайте ей и примите от нас обоих сердечный привет.

Жму руку О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 5. Автограф. Письмо.

№ 6: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград – Одесса, 5 июля 1945 г.

Лен[ингра]д. 5/VII [19]45

Дорогой Саул Яковлевич,

Суeta и работа последних недель помешали мне написать Вам своевременно. На днях здесь закончилась «ярмарка тщеславия», которую представляла собою т[ак] н[азываемая] сессия АН. 2–3 дня здесь пробыл и Доб[ролюб]ский²¹, но я с ним только говорил по телефону – встреча не состоялась. У меня сейчас большая внеплановая нагрузка по Высш[ей] парт[ийной] школе – и в Л[енингра]де, и в Пскове, а в ближайшие дни уезжаю на короткое время в Таллин.

В связи с демобилизацией, ни о каких путешествиях на юг в период отпуска не может быть и речи. Семейный отпуск у нас, по-видимому, фактически сократится вдвое. Вероятнее всего мы всей семьей проведем месяц в Терийоках²², тем дело «ремонта» весьма изношенного организма и ограничится.

Мои занятия 30-л[етней] войной сильно углубляются, т[ак] к[ак] я обнаружил много новых материалов венгерского, румынского и турецкого происхождения, к[ото]рые никогда и никем еще не привлекались. Т[аким] об[разом] дипломат[ическая] история получается гораздо более хитрой и сложной, чем это можно было бы предполагать. Боюсь, что и в этом году мне не удастся дойти до окончательного оформления моей монографии. Готово только несколько этюдов весьма предварительного характера. Придется выкроить время, чтобы поработать и в моск[овских] архивах.

Кстати о Москве. Вот уже 2–3 месяца, как я ничего не получаю от Ник[олая] Леон[идовича]²³. Отчего он замолчал в толк не возьму.

Учебник мой только вчера сдан в производство. Вот и все обо мне. Что у Вас? Видели ли Вы Белякевича²⁴, ныне ректора Львовского у[ниверсите]та? Он был у меня дважды, усиленно приглашал на «гастроли» во Львов. Там соблазнительные для меня биб[лиоте]ки и архивы. Глядковская²⁵ там, по словам Бел[яке]вича, процветает и вообще туда попало немало одесситов. Что же остается в самой Одессе? Черное море. Правда, в определенное время года это лучшее, о чем можно только мечтать.

Передайте наш общий привет Эмилии Израилевне.

Крепко жму руку.

Ваш О. Вайнштейн [подпись]

Что подельывает Алексеев-Попов? Почему не двигает дела со своей диссертацией?

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 6–6 об. Автограф. Письмо.

№ 7: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград – Одесса, 11 сентября 1945 г.

Л[енингра]д 11/IX [19]45

Дорогой Саул Яковлевич,

Получил Вашу открытку из Москвы. Я был в это время в Терийоках, где, вместе со всей своей семьей, провел месяц в Доме отдыха унив[ерсите]та. Отдыхать там хорошо, но погода не всегда была на высоте, а Балт[ийское] море – это не Черное море. Т[аким] о[бразом] я не получил полного удовлетворения, хотя и восстановил как будто работоспособность и сейчас работой, по обыкновению, почти без передышки. Замечательная биб[лиоте]ка ЛГУ, где я пользуюсь ценнейшей привилегией – доступом к полкам, снабжает меня таким обилием документации, что в этом отношении выполняемая мною работа превзойдет все предыдущие. Но жизнь у нас пока еще остается очень сложной, что весьма снижает темпы и м[ожет] б[ыть] даже качество работы. Светочка поступила в школу, где она остается только до половины второго. Ее нужно отводить и приводить. Много др[угих] забот – хозяйственных и прочих. Словом, жизнь еще не вошла в нормальные рамки довоенного времени.

Что удалось Вам сделать в Москве? Я собираюсь туда в ближайшее время, но буду в состоянии покинуть на 3–4 недели жену только после приезда бабушки из Одессы или же найма домработницы. А между тем мне крайне необходимо порыться в архивах.

Л[ариса] А[лександровна] по-прежнему работает в у[ниверсите]те; хотя к ней относятся (ради меня) очень либерально, но все же это усложняет нашу жизнь. Передайте наш общий привет Эмилии Израилевне. Пишите, как живет-ся и работаете теперь в Одессе. Изменилось ли что-ниб[удь] по сравнению с тем временем, когда я там был. Какие новые старые знакомые появились на

одесских улицах, и раздевают ли на них по-прежнему. Привет Алексееву-Попову.

Жму руку О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 7. Автограф. Письмо.

№ 8: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград – Одесса, 1 января 1946 г.

Ленинград 1/1 1946

Дорогой Саул Яковлевич,

Поздравляю Вас и Эмилию Израилевну с Новым годом. Шлю Вам от семьи и от себя наилучшие пожелания. Давно не писал Вам по причине, о кот[орой] Вы сами догадываетесь – конец года, совпавший с окончанием одного труда и мн[огих] других учебных, научн[ых] и административных дел, навалил на меня множество забот. Я только, что сдал в Политиздат, наконец, законченную работу по известной Вам теме – Россия и 30-летн[ая] война. В последней стадии работы пришлось срочно изучить шведский яз[ык] (очень трудный) и преодолевать трудности с др[угими] языками, на которых и раньше не читал (румынск[ий], испанский и т[ак] д[алее]). Не знаю, как будет принято все мое построение, но никто не будет оспаривать, надеюсь, что я пустил в оборот пласты абсолютно свежего материала, о к[ото]ром историки России даже не догадываются.

До выхода в свет утечет еще много воды. Темпы печатания теперь очень медленные, полиграф[ия] промышл[енная] сильно загружена. Мой учебник, сданный еще в июле, выйдет в лучшем случае летом 1946 г[ода]. Между гранками и версткой, между версткой и сигн[альным] экзempl[яром] образуются такие провалы во времени, что книга Мавродина²⁶ начатая печататься в сентябре 1944 г[ода], еще не вышла до сего времени.

Из всех наших работ увидела свет только одна – Очерки по истории Ленингр[адского] у[ниверсите]та, где период Отеч[ественной] войны написан мною²⁷. Я пока еще не получил авт[орских] экзemplяров, кроме одного, посланного мною в Москву. По получении, немедленно Вам вышлю.

Я дал себе неделн[ый] отдых, а затем приступлю к продолжению своих исследов[аний] о внешней политике России в XVI–XVII вв. гл[авным] обр[азом] по иностр[анным] материалам. Меня очень соблазняют в Акад[емии] военно-морск[ого] флота (где я по совместительству читаю) взять «заказ» на ист[орию] флота в Зап[адной] Европе в средн[ие] века. Эта область для меня новая, но зато материально выгодно, а главное – напечатают очень скоро. Между 10 и 20 января я проведу неск[олько] дней в Москве, по вызову Н[ародного] К[омиссариата] Просв[ещения]. К сожалению, это, кажется, совпадет с моментом, когда Ник[олай] Леонид[ович] будет в Ленинграде. По крайней мере, таково было его намерение в ноябре, когда я получил от него последнее письмо.

Каково Ваше настроение, как работается? Что делается в кругах нашей alma mater?

Сердечный привет Эмилии Изр[аилевне]. Жму Вашу руку.

О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 10–11. Автограф. Письмо.

№ 9: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград – Одесса, 17 февраля 1946 г.

Л[енингра]д 17/II [19]46

Дорогой Саул Яковлевич,

Пользуюсь тем, что лежу дома (грипп, к[ото]рым у нас все здесь болеют), чтобы написать Вам неск[олько] строк. Алексева встретил неск[олько] раз в Москве, а затем он был у меня в Л[енингра]де. Тогда же был в Л[енингра]де и Н[иколай] Л[еонович] Рубинштейн, с к[ото]рым мы неоднократно встречались. Он здесь провел 2–3 недели и немного поработал. В марте я опять собираюсь в Москву для доклада о своей работе и для посрамления Поршнева. Меня по у[ниверсите]ту записали на командировку за-границу, но сомневаюсь, чтобы уже в этом году что-либо вышло. Во всяком случае, важно, что от у[ниверсите]та затребовали представлений для таких командировок. Мне, по видимому, не удастся уклониться от участия в большой работе по истории военно-морского флота (заказ соответств[ующих] органов) по разделу ср[едних] веков. Это материально выгодно, но вне поля моих интересов. В семье у меня все стали слишком часто хворать, в остальном все благополучно. Привет от всех нас Эм[илии] Изр[аилевне] и Вам.

Жму руку О. Вайнштейн [подпись]

В марте pošлю Вам кое-что по своей продукции.

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 9–9 об. Автограф. Почтовая карточка.

№ 10: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград – Одесса, 27 августа 1946 г.

27/VIII [1946]

Дорогой Саул Яковлевич,

Надеюсь, что Вы получили мое письмо, отправленное на Ваш дачный адрес в день Вашего отъезда из Одессы. Мне хочется снова Вам сказать, что мы оба очень сожалеем, что не удалось повидать Вас перед отъездом. Мы пробыли в Сочи 9 дней, затем провели ок[оло] месяца в Кисловодске и через два дня «вылетаем» в Л[енингра]д. Мне пришлось по ряду причин на 3–4 дня сократить свой отпуск. Видел здесь Сергея Леонидовича²⁸ и акад[емика] Волгина²⁹ – они отдыхали по соседству с нами. Ник[олай] Леон[идович] провел месяц на Рижском взморье. Привет Вам и Эмилии Изр[аилевне] от меня и Л[арисы] А[лександровны].

Крепко жму руку О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 8–8 об. Автограф. Почтовая карточка.

№ 11. О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград – Одесса, 11 ноября 1947 г.

11/XI [19]47

Дорогой Саул Яковлевич,

Только сегодня у меня за неск[олько] месяцев выдался свободный день для покрытия корреспондентской моей задолженности. Завтра у меня доклад на сессии у[ниверсите]та (немного по В[ашей] части – экономич[еские] предпосылки борьбы за Балтику в XVII в[еке]³⁰). На днях я был вызван в Москву, читал там три лекции о «Кризисе буржуазн[ой] ист[орической] науки на Западе и расцвете ист[орической] науки в СССР». Лекция выйдет отдельной брошюрой³¹ и тогда пошлю ее Вам для ознакомления. Благодарю Вас за лестный отзыв о моей книжке. «Вопросы истории» собираются поместить на нее рецензию, надеюсь, что ее автором не будет Поршневу. Жду обещанной Вами книги об Одессе. Почему мне никто ничего не сообщает о защите диссертации Алексеева-Попова? Ведь я к ней имел какое-то отношение, между тем ни от диссертанта, ни от унив[ерсите]та ни звука! Передайте ему привет.

У меня дома все благополучно, и вся семья моя шлет привет Эмил[ии] Изр[аилевне] и Вам. Крепко жму руку

О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 12–12 об. Автограф. Почтовая карточка.

№ 12: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград – Одесса, 2 марта 1948 г.

2/III [19]48

Дорогой Саул Яковлевич,

Благодарю за присланный оттиск. Я просмотрел его с большим интересом. На обсуждение книги Н[иколая] Л[еоновича] я также получил приглашение. Из-за этого я отложил свой отъезд в Москву по другим делам. Так[им] обр[азом], мы с Вами встретимся. У меня дома год начался очень неудачно, болезнями Ларисы Ал[ександров]ны (дизентерия), моей (сердце) и Светланы (ветрянка и т[ак] д[алее]). К счастью, это происходило последовательно, иначе некому было бы ухаживать за передним больным.

К[онстантину] П[авлови]чу я как-ниб[удь] вышлю книгу – до всего руки не доходят.

Сердечный привет от нас Эм[илии] Изр[аилевне] и Вам.

О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 14–14 об. Автограф. Почтовая карточка.

№ 13: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград – Одесса, 4 апреля 1948 г.

4/IV [1948³²]

Дорогой Саул Яковлевич,

Я рассчитывал увидеться с Вами у Н[иколая] Л[еоновича], но он почему то раздумал устраивать прием. Я и с ним попрощался по телефону, а №

Вашего где-то затерял. У нас в Л[енингра]де решено созвать всесоюзное совещание историч[еских] кафедр по всем другим кроме СССР специальностям. Назначено это на начало мая, но пока не видно подготовит[ельной] работы. В июне выйдет, наконец, в свет мой учебник по ср[едним] в[екам] – после 3 лет консервации! По ряду причин предстоящее лето мы собираемся провести на даче под Л[енингра]дом, в место обычной поездки на юг. Когда Вы соберетесь в Лен[ингра]д? Привет Эм[илии] Изр[аилевне] и Вам от всей моей семьи.

Жму руку О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 13–13 об. Автограф. Почтовая карточка.

№ 14: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград – Одесса, 17 июня 1949 г.

17/VI [19]49

Дорогой Саул Яковлевич,

Сегодня получил Ваше письмо. Конечно, я буду рад оказать Вам услугу, о которой Вы пишете. Мы живем на даче в Келломяки (ныне Комарова), на модном курорте, в 1 ½ ч[асах] езды поездом или автобусом. Будем находиться там до конца июля, после чего на даче останутся только Светлана и домработница, мы же улетим в Ялту по примеру прошлого года. Т[аким] о[бразом] мы увидимся, если Вы приедете до 26–27/VII. Т[ак] к[ак] в июле я не буду ездить в город, то, чтобы Вы могли попасть в квартиру, Вам нужно будет заблаговременно (лучше по телеграфу) известить меня о дне приезда, и я тогда отправлюсь в город. Адрес мой: Ленинградский курортный район, Комарово, Морская 33, мне. Что касается бурных событий, то я полностью осведомлен о тех, которые Вас касались, т[ак] к[ак] получал вырезки из од[есских] газет с комментариями. С Ник[олаем] Леон[идовичем] я списался, у него дела по-прежнему очень плохи, но он борется. Что до меня, то шум был чисто словесный и устный, причем мне предоставили возможность шуметь первому. В результате все обошлось гораздо более мирно, чем я мог ожидать, и у меня ни на один день не испортилось настроение. Досадно только, что неск[олько] работ, уже принятых к печати, теперь оказались замороженными и, кажется, надолго.

Привет Вам и Эм[илии] Изр[аилевне] от нас обоих.

P. S. Не ругайтесь, если Лен[ингра]д встретит Вас неприветливо. Здесь со 2/VI льют дожди почти не переставая, и подозревают, что все лето будет очень прохладное и очень дождливое.

Ваш О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 15–15 об. Автограф. Письмо.

№ 15: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград – Одесса, 25 сентября 1949 г.

25/IX [1949³⁴]

Дорогой Саул Яковлевич,

извините за запоздалый ответ. У нас тут много событий, отнимающих массу времени. Сверх того, до середины октября читаю, кроме унив[ерсите]

та, в В[ысшей] мор[ской] академии³⁵ каждый день. Срочно готовлю доклад к Сталинской сессии³⁶, и т[ак] д[алее] и т[ому] п[одобное]. Словом замотался. В Одессе мы пробыли всего 48 часов; вот почему не успели навестить Вас и Эм[илию] Изр[аилевну] на даче. Ник[олай] Лоенид[ович], по-видимому, работает в Ист[орическом] музее; но я это знаю из вторых рук, мне он давно ничего не пишет. У нас весь сентябрь превосходный – настоящее лето, т[ак] ч[то] даже вы, одесситы, можете нам позавидовать. Ни одного дождя за целый месяц!

Привет Вам обоим от всей нашей семьи.

Ваш О. Вайнштейн [подпись]

Недавно Тронские³³ справляли 25-летие. Ужин был умопомрачительный. Читались стихи одесситов начала 20-х г[одов], что способствовало пищеварению.

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 16–16 об. Автограф. Почтовая карточка.

№ 16: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград – Одесса, 24 мая 1950 г.

Л[енинград]д. 24.V [19]50

Дорогой Саул Яковлевич,

По основному вопросу В[ашего] письма я, право, не знаю, что сейчас написать. Дело в том, что в н[ашем] доме идет капитальн[ый] ремонт, и когда доберутся до нашей лестн[ичной] клетки, то квартира станет негодной для жилья, т[ак] к[ак] будут менять балки, перекрытия, а на кухне и пол. Состоится ли это в июне, июле или августе – я никак не могу установить. Если Вы приедете уже по окончании ремонта – тогда все в порядке. 29/V мы переезжаем на ту же дачу, где жили прошлым летом.

У меня много всякой работы, но б[ольшей] ч[астью] заседательской суеты, здесь обычной. Переработка ист[ориограф]фии двигается с трудом, но не безуспешно. От Н[иколая] Л[еоновича] имел письмо; он отделался в конце концов выговором; Дм[итрий] Леон[идович]³⁷; говорят, чуть-ли не при смерти.

У нас дома все в порядке. Светлана успешно заканчивает сдачу экзаменов. Все наши шлют Эм[илии] Изр[аилевне] и Вам привет.

Пишите!

Ваш О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 17–17 об. Автограф. Почтовая карточка.

№ 17: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград – Одесса, 2 ноября 1950 г.

2/XI [19]50

Дорогой Саул Яковлевич,

Одновременно направляю на В[аш] адрес три экз[емпляра] оттиска моей статьи, только что вышедшей в журн[але] «Вестник ЛГУ»³⁸ – один для Вас, два др[угих] – для Вадима Серг[еевича] и для Добролюбского. Надеюсь, что Вас не затруднит передача, при случае, по назначению. Это первый мой печатный

opus³⁹ после полуторалетного перерыва, вызванного известными обстоятельствами. На очереди стоит еще три работы, которым, надеюсь, уже будет легче появиться вслед за первой.

В декабре у нас будет очередная научн[ая] сессия, на к[ото]рой, вероятно, будет и фигурировать мой доклад, уже представленный в письм[енном] виде, но еще не получивший одобрения в соответ[ствующих] инстанциях. Сессия посвящена нац[иональному] вопросу, и тема моего доклада из той же области (происхожд[ение] зап[адно]-европ[ейских] наций в свете сталинского учения о нациях⁴⁰). В промежутке я уже сделал один доклад в связи с проблемами языкознания (он принят к печатанию) и сделал другой – по сов[етской] историографии.

В общем, работать приходится с большим напряжением, так что на что-либо другое не остается времени. Мы даже в театрах не бываем, хотя у нас ряд новых постановок.

Что делает С. Я. Лурье⁴¹ в И[нститу]те ин[остранных] языков? Все что бы он ни делал, думаю, что его блестящая эрудиция и глубокое знание античн[ого] мира будут оценены по достоинству.

Л[ариса] А[лександровна], Светочка и я шлем Эм[илии] Изр[аилевне] и Вам дружеский привет. Как поживает Вадим Серг[еевич] и его семья?

Жму руку О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 19. Автограф. Письмо.

№ 18: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград – Одесса, 25 декабря 1950 г.

25/ХІІ [1950⁴²]

Дорогой Саул Яковлевич,

Мы с Л[арисой] А[лександровной] и Светочкой шлем Эмил[ии] Изр[аилевне] и Вам поздравления и наилучшие пожелания к Нов[ому] году. Передайте также наш общий привет Вад[иму] Серг[еевичу]. В ближайшее время должна выйти еще одна моя статья на весьма актуальн[ую] тему, и я Вам вышлю ее, по заведенному ритуалу. От Н[иколая] Л[еоновича] давно ничего не имел. Он написал как-то длинное письмо в октябре, а затем замолчал.

У нас здесь проходит очередная научная сессия унив[ерсите]та. 29-го стоит мой доклад. Ничего особенно интересного я до сих пор не услышал. Но впереди еще 4–5 докладов.

Не собираетесь ли на зимние каникулы в Л[енингра]д?

Как здоровье К[онстанти]на Павлов[ича]? Вчера прочел в «В[опросах] И[стории]» рецензию нашего общего знакомого на его труд.

Крепко жму руку

Ваш О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 25–25 об. Автограф. Почтовая карточка.

№ 19: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Фрунзе – Одесса, 15 февраля 1951 г.

Фрунзе. 15/II [19]51

Дорогой Саул Яковлевич,

13/II после очень утомительного путешествия самолетом, с опозданием на 30 часов, мы прибыли во Фрунзе, где я уже застал Ваше письмо. Мы с Л[арисой] А[лександровной] до того были утомлены, что только сегодня почувствовали себя вполне нормально (отоспались). Ваше решение о переезде в Самарканд является, конечно, весьма мудрым. Вам все равно ради материалов, ради научной работы приходилось ежегодно совершать поездки в Москву. Из Самарканда путь несколько длиннее – в этом основная разница; но она, если привыкнуть, не столь уже значительна. А что касается всего прочего, то Вам и Э[милией] И[зраилевне] будет там значительно лучше. По крайней мере, Вы будете на каждом шагу чувствовать, что Вас ценят как ученого, а не дают на каждом шагу щелчки и пинки люди, в интеллектуальном отношении стоящие не очень то высоко.

В Л[енинград]е я провел целый месяц и прилежно работал в ГПБ⁴³. Я должен был просмотреть одну книгу американца Скайлера⁴⁴ по Ср[едней] Азии, но втянулся в чужую для меня тему и проглотил более 30 англо-ам[ериканских], франц[узских] и нем[ецких] работ 60–80-х г[одов] (по Ср[едней] Азии). Все это непосредственно касается и Киргизии. Эти работы – гл[авным] обр[азом] описания путешествий по Ср[едней] Азии – в нашей литературе еще никем систематически не привлекались; в сов[етских] работах я ссылок на них совсем не встречал. Между тем в них немало нового и любопытного. У меня собралось до десятка тетрадей конспектов и выписок – материал достаточный для докладов до самого лета следующего года, когда я решил перейти на пенсию и покинуть навсегда гостеприимную столицу Киргизии. Если бы не злочастная привычка к научной работе, от которой труднее отказаться, чем от курения, я здесь и остался бы дожевать свой век, но с меня хватит четырех лет полетов взад и вперед. Думаю, что Вам легче, чем мне, переключиться на среднеазиатскую тематику – и по Вашей специальности все это ближе к Вам, и потому, что Вы моложе. Единственное о чем Вам придется жалеть, это о Черном море, но ведь на то есть лето в Вашем распоряжении, тогда как я связан по рукам и ногам ленинградской квартирой и лишен возможности ездить еще и на юг, к берегам столь для нас негостеприимного Понта Эвксинского. Видимо в Одессе решили, что после смерти Добролюбского ни один историк не достоин, носить равного ему звания и степени – что же, пусть обходятся своими силами, благо они очень мощные. Если встречаетесь с Вадимом Сергеевичем, передайте ему привет и мое недоумение, почему ему не придет в голову хоть когда-нибудь написать мне.

Дружески жму Вашу руку. Привет от нас обоих Эм[илией] Изр[аилевне] и Счастливого переезда!

Ваш О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 20–21. Автограф. Письмо.

№ 20: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Фрунзе – Одесса, 14 октября 1951 г.

Фрунзе. 14.X.[19]51

Дорогой Саул Яковлевич,

Мы с Л[арисой] А[лександровной] находимся здесь с 14.IX. Я собирался Вам написать после более или менее внимательного ознакомления с обстановкой, но Ваше письмо, а также желание переправить Вам только что вышедшую статью (очевидно, последнюю в изд[ании] ЛГУ) заставляет меня несколько поторопиться. Материально я здесь устроен значительно лучше, чем в Л[енингра]де; мне обещаны длительные научн[ые] командировки 2 р[аза] в год; наконец, за мною здесь ухаживают, т[ак] к[ак] я единств[енный] профессор на ф[акульте]те. Все это плюсы. Минусы: невозможность научн[ой] работы, ожидающее меня после отъезда Л[арисы] Ал[ександров]ны одиночество. Впрочем, у меня здесь оказалось немало знакомых. Это гл[авным] обр[азом] бывшие мои ученики или слушатели из Ленин[гра]да. Возможности для печатания и для публичн[ых] выступлений с лекциями здесь почти неограниченные. За те 3–4 года, кот[орые] я решил провести здесь до перехода на акад[емическую] пенсию, я успею пристроить накопившиеся за последние годы рукописи или хотя бы значит[ельную] их часть. Настроение у меня очень бодрое, чему содействуют: хороший климат, обилие плодов зеленых и, особенно, атмосфера тишины и покоя. Не то, чтобы здесь не было подводн[ых] течений, рифов и скал, водоворотов и мелей, поджидающих неосторожного мореплавателя и часто губящих его; но пока что – надеюсь и надолго – все это не имеет ко мне лично никакого отношения.

Летний отпуск мы собираемся провести под Одессой – где-ниб[удь] в Аркадии. В нач[але] января я вылетаю на месяц в Москву, оттуда в Лен[ингра]д.

Передайте привет К[онстанти]ну П[авлови]чу и Вадиму Серг[еевичу]. Ныне я их конкурент, т[ак] к[ак] помимо ср[едних] в[еков] читаю I период нов[ой] ист[ории], но это только в данном семестре и году.

Мы с Л[арисой] А[лександровной] низко кланяемся Эм[илии] Изр[аилевне] и просим Вас обоих принять наши наилучшие пожелания.

Жму руку О. Вайнштейн [подпись]

Фрунзе, ул[ица] Фрунзе, 104.

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 22–22 об. Автограф. Письмо.

№ 21: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград⁴⁵ – Одесса, 5 июня 1951 г.

5.VI [19]51

Дорогой Саул Яковлевич,

Благодарю Вас за присланный оттиск. Статью я просмотрел с интересом. Она написана легко и вообще удачна, если не считать В[ашего] предположения, что одною из причин невнимания к произведению Орлова явл[яется] библиографич[еская] редкость этой книги. Известно, что чаще всего именно

библиогр[афические] редкости привлекают исследователя, во всяком случае – это не причина. Мы с Лар[исой] Ал[ександровной] в этом году возможно, будем проездом в Одессе, вероятно, в июле. Каковы Ваши планы на июль–август? Как здоровье Эм[илии] Изр[аилевны]? Известно ли Вам, что Вера Марковна умерла и притом в страданиях от мучит[ельной] болезни? Н[иколай] Л[еонович] мне написал как раз накануне ее смерти; чувствуется, что он сильно измучился – по обыкновению, вся тяжесть забот и ухода легла на него. Летом он сюда не собирается.

От нас обоих привет Эмил[ии] Изр[аилевне] и Вам.

Жму руку О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 23–23 об. Автограф. Почтовая карточка.

№ 22: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Фрунзе⁴⁶ – Одесса, 17 декабря 1951 г.

17/ХІІ [1951⁴⁷]

Дорогой Саул Яковлевич,

Поздравляю Эм[илию] Изр[аилевну] и Вас с наступающим Нов[ым] годом. Примите мои наилучшие пожелания вместе с дружеским приветом, к которому от души присоединяется и Лар[иса] Ал[ександровна] (хотя ее здесь нет уже с середины ноября). Кланяйтесь от меня и Вад[иму] Серг[еевичу].

Я был очень опечален известием о смерти К. П. Добролюбского, хотя не уверен в том, правильно ли это известие. Поэтому я не рискнул написать неск[олько] слов сочувствия его жене. В известии этом нет ничего невероятного, учитывая состояние его здоровья за последние годы, но все же здесь возможна и ошибка.

У меня никаких перемен. 20–22 янв[аря] вылетаю отсюда в Москву, затем в Л[енинград], где пробуду ок[оло] месяца. Не собираетесь ли на этот же период на Север?

Жму Вашу руку

О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 24–24 об. Автограф. Почтовая карточка.

№ 23: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Фрунзе – Одесса, 1 декабря 1952 г.

1/ХІІ [19]52

Дорогой Саул Яковлевич,

Вы, действительно, очень долго не писали. Что касается меня, то я только ждал ответа на свое последнее письмо, написанное, кажется ровно год тому назад.

Завидую тому, что Вы можете там творить, независимо от перспектив печатания. Здесь мне по моей специальности делать нечего – источников никаких. Единственное, чем я могу еще кое-как заниматься – это ист[ориограф]ия всеобщей истории. МВО⁴⁸ согласно с присланным мною проспектом и не возра-

жает против написания мною учебника. Выйдет ли это в свет или нет, меня в данный момент не интересуєт. Qui vivra, verra⁴⁹.

В конце декабря мы с Лар[исой] Ал[ександровной] уезжаем (или, если будет хорошая погода, улетаем) через Москву в Л[енинград]. в Москве проведем, вероятно, денька два. В Л[енингра]де я пробуду немногим больше месяца, Л[ариса] А[лександровна] сопровождать меня обратно не будет. Таковы наши планы.

В этом году здесь очень редкие в этих местах суровые морозы – до 25° и выше. Зима неожиданно ранняя, без осени: за жаркими днями, стоявшими до 8/XI, сразу начались холода.

Как здоровье К. П. Добр[олюбско]го? Как поживает и работает Вадим Серг[еевич]? Вы о них ничего не сообщаете. Уж не поссорились ли Вы? Передайте им мой привет, а также наш общий с Л[арисой] А[лександровной] поклон Эм[илии] Израилевне.

Жму Вашу руку

О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 27–27 об. Автограф. Письмо.

№ 24: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Фрунзе – Одесса, 10 марта 1953 г.
10/III [1953⁵⁰]

Дорогой Саул Яковлевич,

Вы даже себе представить не можете, как сильно меня огорчило Ваше письмо. Я не сомневаюсь в том, что Вы как-ниб[удь] устроитесь, в конечном итоге все устраиваются, а ведь Вам до пенсии еще далеко. Крайне печален сам по себе факт. Вл[адимира] Вас[ильевича] Мавр[одина] постигла та же участь в Петрозаводске, о чем он знал уже 2/II, когда я его видел в Л[енингра]де. По его просьбе, я здесь зондировал почву насчет него, но ответ получился отрицательный – здесь не любят людей со стороны, кто бы они ни были. Меня, видимо терпят, т[ак] к[ак] мне до пенсии осталось ок[оло] 2 лет. Так что я не знаю, стоит ли мне⁵¹ поднимать о Вас вопрос, хотя, казалось бы, возможностей здесь сколько угодно, а людей высокой квалификации почти нет. Ведь здесь, помимо ун[иверсите]та, Женск[ий] пед[агогический] и[нститу]т (с 1952 г[ода]), Заочный педагогич[еский] и Учит[ельский] и[нститу]т (большое учреждение, со своим зданием, штатами, кафедрами etc), Кирг[изский] филиал АН, филии ИАЭЛ, Заочн[ый] финансово-банк[овский] и[нститу]т, Библиот[ечный] и[нститу]т (филиал Моск[овского]). Там всюду сидят люди без всяких научн[ых] степеней и квалификации. Но тем не менее. Я Вам советовал бы в некоторые из этих учреждений самостоятельно направить запросы. Нужно, однако, иметь в виду, что в М[оск]ве Вас точно информировали – сейчас не «сезон» для приглашения пр[еподавател]ей.

Ни к одному из всех этих учреждений, кроме у[ниверсите]та, я не имею отношения, а как раз в у[ниверсите]те шансов нет никаких, но если Вы желаете, то я могу затронуть о Вас вопрос.

У меня лично никаких особых перемен нет. Понемногу готовлю большой труд по всеобщей ист[ориогра]фии, – дело очень сложное, громоздкое, почти непосильное, но весьма увлекательное по ряду возникающих проблем. Материал для ближайших 2–3 глав я «наработал» в Ленинграде, но невозможность наведения здесь справок очень тормозит работу. Много времени у меня отнимают занятия и обществ[енная] работа (у меня 4 «нагрузки!»). Физически чувствую себя неплохо, но без Лар[исы] Ал[ександровны] мне, конечно, трудно, а она разрывается между мной и Светочкой, к[ото]рую в этом⁵² возрасте (15 лет!) нельзя оставлять одну (наша Мотя не в счет).

Судя по тому, что Вы пишете об Одессе, взята линия на то, чтобы, по возможности, обходиться без профессоров. Стоят они дорого, а ошибок делают немало. Доценты дешевле, и т[ак] к[ак] они редко печатаются, то и редко ошибаются. Действительно на ист[орическом] у[ниверсите]та не осталось ни одного⁵³ проф[ессора]!

Надеюсь, что обо всех переменах Вы меня поставите в известность.

Вад[им] Серг[еевич] был в Л[енингра]де и говорил Лар[исе] А[лександров]не, что последние месяцы жизни Добролюбск[ого] были омрачены неприятностями в ун[иверсите]те. Верно ли это? И чем это было вызвано? Ведь его прежде никто и никогда не задевал – это привилегия всех ученых, пишущих тяжело и скучно. Что же произошло?

Удалось ли Вам проститься с останками И. В. Сталина. Ведь Вас это горестное событие застало еще в Москве. Здесь все в глубоком трауре, к которому присоединилась и сама, обычно здесь сияющая, природа: с 6-го пасмурно и идет дождь. Пасмурно и у меня на душе.

Ну, будьте здоровы; уверен, что Вы не падаете духом, и что все обойдется.

Ваш О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 39–40. Автограф. Письмо.

№ 25: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Фрунзе – Одесса, 18 ноября 1953 г.

18/XI [1953⁵⁴]

Дорогой Саул Яковлевич,

Вчера получил Ваше письмо, и мне было очень приятно узнать, что какой-то просвет и у Вас появился. Все, что проделали с Вами в Одессе, до того отвратительно, что я даже не знал, что можно было Вам написать утешительного, да и сам я в то время, когда получил Ваше предпоследнее письмо, находился в поганом настроении. Теперь все это позади, и я могу спокойнее вспомнить о своих «похождениях» в Л[енингра]де. Правда, у меня был один ресурс, до которого Вам, к счастью, еще далеко: 58 лет и 33 года непрерывной работы в вузах; поэтому мне без труда выдали академ[ическую] пенсион[ную] книжку, которой так и не пришлось воспользоваться. Но у меня теперь уже наметился некий перелом, который, надеюсь, наступит и для Вас. Я получил от И[нститу]та ист[ории] большое и очень лестное письмо, в котором директор 1) сообщает,

что моя статья об америк[анской] соврем[енной] ист[ориогра]фии одобрена и принята к печати, 2) что, учитывая ее научное значение, по теме статьи ставится мой доклад на расшир[енное] засед[ание] Учен[ого] совета, 3) что мне оплатят самолет, командировачн[ые] и т[ому] п[одобное], если я соглашусь приехать в Москву на сессию и т[ак] д[алее] и т[ому] п[одобное]. Вообще ко мне в И[нститу]те и ранее проявляли интерес и внимание, так что это лестное приглашение только завершает целый ряд предложений оттуда. Пока что я до крайности перегружен – 20 час[ов] лекций в неделю, большая обществ[енная] работа, возня с аспирантами, курс истории государства и права (с древнейших времен до сего дня), который мне пришлось на новом ф[акульте]те (юридическом) взять на себя – все это заполняет день и часть ночи до отказа. Т[ак] к[ак] я твердо решил в 1955 г[оду] перейти на пенсию (с наступлением 60 лет), то я напоследок показываю школу трудоспособности и выносливости.

Мне Ник[олай] Леон[идович] регулярно отвечал на мои запросы о В[аших] делах. Я вполне согласен с ним, что, если бы Вам в Самарканде дали целую ставку (с надбавкой в 20%, кажется; здесь во Фрунзе надбавка 30%), то для Вас имело бы смысл распротиться с мало гостеприимной Одессой. Нужно думать о будущем, и поэтому нельзя терять стажа вузовской работы, а в Одессе, как видно – не только из В[ашего] письма, перспектив в этом отношении мало. Надбавка даст Вам возможность (как дает мне) пользоваться только возд[ушным] сообщением и регулярно работать в Москве. Договориться об этом, как показывает мой опыт, всегда возможно. В Средн[ей] Азии и перспектив печатания больших работ больше, чем в Одессе (для нас с вами, по крайней мере). Ваш план – сначала поехать на время и выяснить обстановку – вполне разумный. На Вашем месте я поступил бы точно так же.

Желаю Вам, дорогой Саул Яковлевич, всяческой удачи и надеюсь, что мы с Вами еще встретимся в хорошем и бодром настроении. Сердечный привет от нас обоих Вам и Эмилии Израилевне.

Дружески жму руку

Ваш О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 28–29. Автограф. Письмо.

№ 26: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Фрунзе – Одесса, 27 апреля 1954 г.

27/IV [1954⁵⁵]

Дорогой Саул Яковлевич,

Меня за последние недели до того выматывает работа, что никак не мог собраться написать Вам. К тому же у нас здесь стоит летняя жара (до 45° на солнце, до 30° в тени), которую я с трудом переносу. Ваше предсказание насчет научного следа, который я здесь оставляю в виде работы по ист[ории] Киргизии, попало как раз в тот момент, когда все мои материалы (десяток убористо написан[ных] тетрадей) исчезли, подобно судебной жалобе Ивана Никифоровича – то же какая-то гоголевская свинья утащила! Вероятно, когда память обо

мне начнет здесь исчезать, выступит некто с докладом на тему: «Иностранные путешественники о Киргизии 50–70-х гг. XIX в.», благо теперь для этого не понадобится знание языков. Впрочем, я этим происшествием несколько не афранирован. М[ожет] б[ыть] это и к лучшему.

Огромного напряжения от меня потребовала правка диссертационных работ моих двух аспирантов-киргизов. Они плохо знают русск[ий] язык и, помимо редактирования, руководства разработкой тем и прочее, на меня легла дополнительная тяжесть – фактического перевода с их языка на русск[ий] литературный – в общей сложности до 600 страниц машинописи. А ведь у меня сверх того 700 часов, из них 450 лекционных и множество другой нагрузки (например, в связи с подготовкой к печати сборника «Ученых записок» истфака КГУ). Напоследок мне еще подложили свинью, включили с благословения министра в состав Государственной экзаменационной комиссии, чего в прошлые годы не делали. Тут я уже завопил (это еще 120 часов – да еще в июне) и, кажется, безрезультатно. Есть надежда, что меня с Л[арисой] Александровной отпустят отсюда еще до середины июня. Что мы будем делать летом, не представляю себе. Работать я не смогу – чересчур устал, дача у нас не снята – Светочку отправляем в Одессу, а ехать никуда не хочется, так нам опротивели поездки и полеты. Через год это кончится.

Вот пока все о нас. Из Вашего письма я так и не понял, в каком положении Ваши дела с Самаркандом. Переезжаете ли Вы или этот проект отпал. Изменилась ли ситуация в Одессе? Если судить по признакам, которые обнаруживают себя и здесь, и в Ленинграде, вряд ли можно ждать существенного изменения обстановки, по крайней мере в вузах.

Во всяком случае, что бы Вы ни задумали и ни решили, мы с Л[арисой] Александровной шлем Вам пожелания успешного осуществления Ваших планов. Вместе с тем поздравляем Эмилию Израилевну и Вас с Первомайским праздником и просим принять наш самый дружеский, сердечный привет.

Крепко жму Ваши руки

О. Вайнштейн [подпись]

Кланяйтесь Вадиму Сергеевичу от нас обоих.

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 50–51. Автограф. Письмо.

№ 27: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Москва – Одесса, 23 мая 1954 г.
Москва 23/V [1954⁵⁶]

Дорогой Саул Яковлевич,

Получил Ваше письмо накануне вылета в Москву 21/V. Вчера мы сюда прилетели ночью. Меня вызвали в Москву по моему партделу и, очевидно, до начала занятий я смогу не возвращаться. Университет широко пошел мне навстречу – очевидно, теперь очень не хотелось бы им меня лишиться.

Благодарю за отклик статьи. К сожалению, я еще не удосужился ее прочесть, но прочту обязательно. Загружен я был до крайности и сейчас еще чувствую себя утомленным.

Не знаем, что будем делать летом. Светочка наша едет в Одессу, где будет жить в Люстдорфе на даче с нашими. А нам пока противно думать о передвижении по суше, воде и воздуху. Из Л[енингра]да напишу. Сердечный привет вам обоим.

Дружески жму руку

О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 57–57 об. Автограф. Почтовая карточка.

№ 28: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград⁵⁷ – Одесса, 30 июня 1954 г.

30/VI [1954⁵⁸]

Дорогой Саул Яковлевич,

Мы оба искренно рады за Вас и горячо поздравляем с восстановлением status quo ante...

Я только вчера вернулся из Петрозаводска, куда ездил по приглашению Пед[агогического] и[нститу]та для переговоров. Мне там предлагают кафедру и весьма льготные условия, дающие возможность проводить регулярно работу в Л[енингра]де, благо поездка туда стоит недорого, а ночь езды в бюджете времени не играет роли. Однако этот переход может встретить сильное сопротивление со стороны КГУ, а следов[ательно] и в МВО. В ближайшие дни, очевидно, придется съездить в Москву. Если все это дело выйдет, то кому-либо из нас нужно будет поехать во Фрунзе за вещами, документами ете. Словом, лето у меня и Л[арисы] А[лександровны] выдалось хлопотливое, так что даже не знаю, удастся ли отдохнуть, как следует. Пока дружески жму Вашу руку, обнимаю и поздравляю еще раз. Наш общий привет Эм[илии] Изр[аилевне].

Ваш О. Вайнштейн [подпись]

Наши письма, видимо, разошлись. Я Вам писал 23/VI.

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 56–56 об. Автограф. Почтовая карточка.

№ 29: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Фрунзе – Одесса, 5 декабря 1954 г.

5/XII [1954⁵⁹]

Дорогой Саул Яковлевич,

Вчера получил В[аше] письмо. Я действительно, виноват – не писал Вам давно. Со мной постоянно так бывает – не ответишь сразу, а потом замотаешься и забываешь обо всем на свете. Дело в том, что в этот последний год моего пребывания здесь из меня стараются выжать, возможно, больше, особенно по научной линии, притом появились многочисленные партнагрузки, так что на корреспонденцию не хватает времени. Я и в Москву давно не пишу поэтому. Очень рад был узнать о Ваших научных успехах и нормальной обстановке для Вашей работы. Не сомневаюсь, что Вам удастся довести до конца Ваш opus magnum и увидеть его в напечатанном виде. Сейчас вообще в этом отношении значительно полегчало.

Летом я снова собрал материал по иностр[анным] путешественникам о Киргизии, чтобы не позволить негодяю, укравшему мои конспекты, воспользоваться ими, и написал работу на эту тему. Доклад, сделанный мною здесь на заседании Уч[еного] совета, вызвал большой интерес. Местный госиздат предлагает мне опубликовать это [отдельной] брошюрой (ок[оло] 5 [печатных] л[истов]), но не знаю, захочет ли унив[ерсите]т лишиться даровой⁶⁰ работы⁶¹, а они печатают очень медленно к тому же I том «Уч[еных] записок» истфака, отв[етственным] редактором к[оторо]го я являюсь, сдан был в печать еще в мае, и хорошо, если выйдет в свет в январе 1955 г[ода]. Впрочем, все рекорды побила Москва. Моя работа по америк[анской] ист[ориогра]фии сдана в И[нститу]т ист[ории] в конце августа 1953 г[ода], а мне оттуда до сих пор сообщают, что она «печатается».

24/XII мы с Лар[исой] Ал[ександровной] собираемся вылететь в Москву, а оттуда сразу в Л[енингра]д, где пробудем до 8–9 февраля. Для того, чтобы получить полуторамесячный отпуск, мне пришлось сильно нагрузиться в ноябре и декабре (в течение всего октября у[ниверсите]т не работал, т[ак] к[ак] студенты были в поле), а последние дни перед отъездом у меня будут совсем сумасшедшие.

В ближайшие дни мне исполнится 60 лет и 35 лет непрерывной работы в вузах, но я тщательно скрываю дату от местных любителей всяких юбилейных церемоний. В Л[енингра]де я бы, конечно, не мог избежать всей этой нелепой процедуры, а здесь я на все вопросы просто отмалчиваюсь в надежде, что это как-нибудь забудется.

По выходе в отставку, я тоже собираюсь засесть вплотную за свой opus magnum⁶² – двухтомную историографию всеобщей истории с древнейших времен. Много кирпичей для этого сооружения у меня заготовлено, но до них руки не доходили. Теперь же я рассчитываю, по крайней мере, в течение 2 лет не возвращаться к педаг[огической] работе и довольствоваться пенсией и случайными приработками, чтобы довести это дело до конца.

Самочувствие у нас с Л[арисой] А[лександровной] хорошее, надеюсь, что до всяких старческих недугов мне еще далеко. Возможно, что предстоящим летом приедем в Одессу повидаться с родными, кот[орые] очень уже на этом настаивают.

Желаем Вам и Эм[илии] Изр[аилевне] доброго здоровья и дальнейших успехов. Дружески жму Вашу руку. Привет от Л[арисы] А[лександровны] вам обоим.

Ваш О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 52–53. Автограф. Письмо.

№ 30: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград – Одесса, 31 декабря 1954 г.

31/XII – [19]54

Дорогой Саул Яковлевич,

Благодарю Вас и Вад[има] Серг[еевича] за поздравительную телеграмму. Мы с Л[арисой] А[лександровной] шлем Вам обоим и Вашим семьям поздравления с Нов[ым] годом и наилучшие пожелания.

В Москве мы пробыли всего 2 дня, причем в 1-ый же день посетили Ник[олая] Леон[идовича], попав прямо с корабля на бал. Он праздновал свой день рождения, и мы застали у него довольно обширное общество, включая и Сергея Леонид[овича], к[оторо]го очень давно не видели.

Здесь в Л[енингра]де открываются для меня кое-какие возможности в связи с восстановлением ЛОИИ⁶³, но выйдет ли из этого что-нибудь, один аллах знает. На словах пока все очень хороши. Но независимо от всего, в конце июня я намерен совсем вернуться в Л[енингра]д, хотя во Фрунзе меня всячески пытались соблазнить акад[емическими] лаврами, квартирой и т[ому] п[одобным], но я тверд как камень.

Пока что я заканчиваю здесь свою работу по Киргизии, которую собираются издать отдельной брошюрой. Сборник «Против ам[ериканской] фальсифик[ации] истории» с моей большой статьей, почти напечатан полностью, но вероятно, не выйдет в свет по соображениям междунар[одного] характера. Очевидно, слишком густо получилось. Так и не знаю, какую судьбу уготовят моей статье, которую все читавшие ее очень хвалят.

В общем, мне нужно будет в 1-е месяцы или недели 1955 г[ода] терпеливо дожидаться развития событий. Пробудем мы здесь с Л[арисой] А[лександровной] до 6 февраля, т[ак] к[ак], по-видимому, защиту дисс[ертации] моего аспиранта в Москве назначат на 7/II, а мне хотелось бы присутствовать на этой защите, чтобы в случае чего помочь симпатичному кирг[изскому] парню.

Ну, пока всех благ. Будьте здоровы!

Ваш О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 30–31. Автограф. Письмо.

№ 31: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград – Одесса, 23 июня 1955 г.

23/VI [1955⁶⁴]

Дорогой Саул Яковлевич,

Очень виноват пред Вами, что за месяц со времени отъезда из Фрунзе все как-то не мог Вам написать. Откладывал я это письмо в надежде, что буду в состоянии сообщить о решительных переменах в жизни. Только вчера окончательно выяснилась одна – самая существенная. Я ознакомился с решением комитета парт[ийного] контроля при ЦК, которым я восстановлен в партии с сохранением партстажа. Что касается другого вопроса – о возвращении в Л[енингра]д, то из этого (в настоящем году во всяком случае) ничего не выйдет.

Мне предложили кафедру в Петрозаводске на очень подходящих для меня условиях, и я теперь в большом смущении. Отказываться очень не хочется, но с другой стороны неск[олько] дней тому назад меня из Фрунзе буквально засыпали телеграммами с просьбой указать, на какую должность я собираюсь принять участие в конкурсе. Т[ак] к[ак] это было до предложения из Петрозаводска, то я ответил на одну особенно настоятельную телеграмму письмом с согласием конкурировать на прежнюю должность. Тем самым я, очевидно, за-

крыл себе путь к др[угому] месту работы, чтобы не нарваться на неприятности. Так вот всегда бывает – не было ни гроша, а вдруг алтын. Но мне хотелось бы, чтобы подобные затруднения произошли и с Вами, т[ак] к[ак] алтын все же лучше, чем ничего.

У нас здесь невыносимая жара – до 42° на солнце, до 30° в тени. Такого в Л[енингра]де давно не бывало – с 1941 г[ода]. Мы живем в квартире только вдвоем с Л[арисой] А[лександровной]. В этом году дачи не взяли, т[ак] к[ак] Светочка живет на даче под Одессой (в Люстдорфе), а наша работница отпущена нами на все лето в деревню. Я ежедневно езжу в ГПБ, а вообще ведем жизнь довольно скучную и однообразную.

Ник[олай] Леон[идович] был в курсе Ваших дел и сообщил мне все то, о чем я не знал (насчет одного лица в М[оск]ве). Но я очень надеюсь, что скоро Вы порадуете нас известием о перемене в Вашем положении.

Дубровский⁶⁵ уже в Москве, в И[нститу]те истории. Он полностью реабилитирован. Вероятно, то же произойдет в ближайшее время с его женой (Граве⁶⁶). Н[иколая] Л[еоновича] основательно эксплуатируют в его И[нститу]те, так что у него не остается даже времени для научн[ой] работы. Тарле в конце мая был очень плох, лежал в Кремл[евской] больнице, но теперь, по моим сведениям, уже оправился и живет на своей даче под Москвой. Здесь болен Валк⁶⁷, ему сделана операция. Недавно здесь отметили на истфаке 60-летие Предтеченского⁶⁸. Я не пошел, т[ак] к[ак] его не люблю, да и вообще не приятно приходить на истфак. Научн[ая] жизнь в нем упала до позорного уровня. Мавроди-ну еще предстоит проходить в Москве, т[ак] к[ак] ему пришлось проделывать всю процедуру восстановления с самого начала, и я т[аким] о[бразом] его сильно опередил. Он очень постарел.

Таковы дела. Желаю Вам, дорогой С[аул] Я[ковлевич], дальнейших научн[ых] успехов, а что касается остального, то не сомневаюсь теперь в том, что все наладится.

Л[ариса] А[лександровна] шлет Вам и Эм[илии] Изр[аилевне] привет.

Крепко жму Вашу руку

О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 47–48 об. Автограф. Письмо.

№ 32: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград – Одесса, 21 сентября 1955 г.

21/9 [19]55

Дорогой Саул Яковлевич,

Вы, вероятно, в большой обиде на меня за молчание. Но мое положение до последнего времени было настолько неопределенным, причем с недели на неделю откладывалось решение, что и я откладывал соответственно свое письмо к Вам. Только сегодня пришел, наконец, приказ из Москвы, коим я зачислен в состав Ленингр[адского] отд[еления] И[нститу]та ист[ории] АН (с 15/IX) и буду здесь руководить сектором «всеобщей истории». Незадолго

до этого события меня уже начали заваливать всякими заказами и предложениями – пока по литерат[урной] линии. Весьма вероятно, как меня убеждали осведомл[енные] лица, что в ЛГУ только ждут моего оформления в АН, чтобы подступиться со своей стороны. Неслучайно они до сих пор не замещают вакантн[ую] должность зав[едующего] кафедрой ср[едних] веков с ½ ставки, оставшейся после смерти М. В. Левченко⁶⁹. Однако в ун[иверсите]т я пойду лишь в том случае, если меня туда погонят. Дела там, на истфаке неважнецкие. Там уже с прошл[ого] года работает Косачевская⁷⁰, с этого – восстановлен и Корнатовский⁷¹. Мавродин по прежнему процветает и довольно сильно халтурит. Но положение у них кафедре СССР, к[ото]рою заведует декан истфака Кочаков⁷², очень и очень сложное: их там ок[оло] 15 ч[ел]ове[к] (без аспирантов), и все между собою на ножах. На др[угих] кафедрах немногим лучше.

Григ[орий] Леонид[ович] Руб[ин]штейн⁷³ в конце августа сильно заболел – у него инсульт и он лежит. Я боюсь спрашивать о его состоянии, чтобы не узнать плохого. Он явно переутомился за лето, много работал – отсюда этот тяжелый случай.

Тронские живут спокойно и комфортабельно. И[осиф] М[оисеевич], вероятно, пережил тоже неприятные минуты, т[ак] к[ак] его решено было перевести на полставки в ЛГУ, а больше он нигде не состоит. Но его отстояли. Они мне об этом ни словом не заикнулись, узнал я от других. Но здоровье И[осифа] М[оисеевича], по крайней мере внешне, вполне хорошее – у него после дачного отдыха на Рижском взморье блестящий вид, только речь несколько затрудненная.

Наша Светочка вынуждена была поступить пока на заочн[ое] отд[еление] и[нститу]та (инж[енерно]-строит[ельного]), т[ак] к[ак] «очное», по одной известной причине она не попала, хотя конк[урсные] экзамены выдержала на хорошо и отлично. Но ей обещано, если она зимою сдаст семестр[овые] экзамены на отлично, перевести ее в дневной и[нститу]т.

Летом мы жили в Комарове на даче. Хотя я неплохо отдохнул, но все еще не могу реакклиматизироваться в Л[енингра]де: часто болит голова из-за перехода с 780 м[етров] к 10–20 м[етрам] над уровнем моря; в руках ревмат[ические] или невралг[ические] боли – словом, почувствовал свои годы. Надеюсь, что это временное. Главное нервы отдыхают.

Как Ваши дела, научные успехи? Когда собираетесь в Москву или в Л[енингра]д? Как поживает Эм[илия] Изр[аилевна]? Что нового в од[есских] «акад[емических]» кругах? Очень возможно, что следующим летом, в виду отмены моих полетов во Фрунзе, мы с Л[арисой] А[лександровной] прилетим в Одессу.

Прошу Вас передать наш привет Вадиму Серг[еевичу] Ал[ексееву]-Попову. Как ему живется и работается? Пишите, не будьте злопамятны.

Дружески жму руку

Ваш О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 54–55. Автограф. Письмо.

№ 33: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград⁷⁴ – Одесса, 12 ноября 1955 г.

12/XI [1955⁷⁵]

Дорогой Саул Яковлевич,

Только сегодня отправил статью в «Вопр[осы] ист[ории]»⁷⁶, с которой меня почему то очень торопили из редакции – письмами и звонками из Москвы по телефону. Не знаю, почему так приспичило, возможно скорее получить статью о новейших зарубежных трудах по ист[ории] историч[еской] науки. Из-за этих трудов пришлось провести 10 дней в Москве. Так что, как видите, у меня были причины, по которым я не мог сразу написать Вам. В Москве я видел Н[иколая] Л[еоновича]. Его книга⁷⁷ сдана в печать. Братья его – и московский С[ергей] Л[еонович], и лен[инград]ский Г[ригорий] Л[еонович], все хворают. Недавно виделся с Тронскими, они были у нас с визитом. У них ничего особенно-го за это время не произошло.

В ЛОИИ меня понемногу загружают работой, гл[авным] обр[азом] по поручениям из Москвы. До 1 янв[аря] я вообще числюсь за Москвой и даже зарплату получаю оттуда по почте. С янв[аря] обещают перевести на ленингр[адское] довольствие.

В общем я не скучаю по лекциям. Целые дни провожу дома или в б[ibliote]ках над нов[ыми] книгами. Есть много интересного. В янв[аре] я обязался сделать в И[нститу]те истории доклад о Ранке⁷⁸.

Здесь я познакомился с приехавшими историками из стран нар[одной] демократии. Из них самый интересный Лео Штерн из ГДР⁷⁹, ныне академик и ректор у[ниверсите]та в Галле. Мы с ним долго беседовали на историографич[еские] темы. Остальные – чехи, венгры, болгары и т[ак] д[алее] – молодежь.

Мы оба с Л[арисой] А[лександровной] шлем Вам и Эм[илии] Изр[аилевне] дружеский привет и пожелания в связи с прошедш[ими] праздниками. Кланяйтесь от меня Ал[ексееву]-Попову. Что-то вообще о нем ничего не слышно. Почему это?

Ваш О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 49–49 об. Автограф. Письмо.

№ 34: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград – Одесса, 20 октября 1956 г.

Лен[инград], 20.X.[19]56

Дорогой Саул Яковлевич,

Благодарю Вас за письмо и В[ашу] статью; прошу передать и Вад[иму] Серг[еевичу], когда он вернется, мою признательность за присланные вещи. В рецензии на сборник в честь Волгина, которая появится в № 9 «Вопр[осов] ист[ории]»⁸⁰, я оценил его работу⁸¹ как едва-ли не лучшую из всех помещенных в этом сборнике.

Мы с Л[арисой] А[лександровной] очень жалели, что не застали ни Вас, ни Вад[има] С[ергеевича] в Одессе. Надеюсь с Вами встретиться в Л[енингра]де или в Москве (где я буду, вероятно, во второй половине ноября).

Сейчас я пользуюсь небольшой передышкой в противной редак[торской] работе над V т[омом] «Всем[ирной] ист[ории]»⁸², чтобы закончить и доработать свою статью о Ранке⁸³; использую для этого 2 т[ома] его недавно изданных и б[ольшое] ч[исло] неопубликованных писем. Что касается шведск[их] материалов, то заказанные мною микрофильмы, кажется, еще не поступили в Москву. Статья о моих находках в Швеции будет опубликована в ближайшем № «Ист[орического] архива», а м[ожет] б[ыть] (в более обширн[ом] виде) в «Вестнике Ак[адемии] наук»⁸⁴.

Привет Эм[илии] Изр[аилевне] от нас обоих.

Дружески обнимаю О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 58. Автограф. Письмо.

№ 35: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград⁸⁵ – Одесса, 7 декабря 1956 г.

7/XII [1956⁸⁶]

Дорогой Саул Яковлевич,

Благодарю за присланный оттиск. Я его просмотрел, статья Вам очень удалась, написано превосходно и материал интересный.

Я пишу Вам сейчас всего неск[олько] строк, т[ак] к[ак] необычайно занят. Так иногда бывает, что сразу сваливается множество поручений и все срочных. В февр[але]–марте будет, по-видим[ому], съезд историков – мне нужно готовить с др[угими] доклад по историографии; заканчивается подготовка V т[ома]⁸⁷ и мн[огое] др[угое].

Числа 12–15 выеду, вероятно в Москву, где останусь до Нов[ого] года. Мы оба шлем привет Вам и Эм[илии] Изр[аилевне].

Жму руку и обнимаю

О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 33–33 об. Автограф. Почтовая карточка.

№ 36: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Одесса⁸⁸ – Одесса, 20 июля 1957 г.
20/VII [1957⁸⁹]

Дорогой Саул Яковлевич,

Обстоятельства так нелепо сложились, что нам так и не удалось еще раз повидаться с Вами и Эмилией Израилевной. Все дни, против ожидания, были заполнены гл[авным] обр[азом] беготней по разным инстанциям, чтобы обеспечить себя билетами на теплоход. Только сегодня в 10 ч[асов] вечера мы получили каюту I кл[асса] и стали укладываться, завтра в 8 ч[асов] утра уезжаем.

Мы оба огорчены тем, что лишились возможности провести, еще несколько приятных часов в вашем обществе, но уезжаем все же с большой радостью, т[ак] к[ак] морем – наилучшим из того, что здесь есть – пользовались очень мало. В Сочи мы наверстаем потерянное в отношении моря.

Жмем Вам обоим руки и шлем дружеский привет.

Ваш О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 41. Автограф. Письмо.

№ 37: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград – Одесса, 19 октября 1957 г.

Л[енингра]д. 19/X [1957⁹⁰]

Дорогой Саул Яковлевич,

Позавчера только прибыл из Москвы, Л[арису] А[лександров]ну застал больною гриппом, который здесь очень свирепствует (как и в Москве).

Насчет сборника по первоноч[альному] накоплению мне здесь сказали, что после юбилейных празднеств он пойдет в печать, т[ак] к[ак] он прошел уже все инстанции.

В Москве я был так сильно занят (даже по воскресеньям работал с утра до вечера, чтобы поскорее избавиться), что так и не собрался к Мотолянским⁹¹. Для этого нужно было бы еще наводить предварительные справки, где они: их телефон (м[ожет] б[ыть] это случайно) не отвечал. У Ник[олая] Леон[идовича] был с визитом – у него никаких перемен, кроме подтвердившегося факта перехода в Арх[еологический] и[нститу]т, с чем я его и поздравил. Сам он этим чрезвычайно доволен.

У Тронских (к[ото]рым я не забыл передать Ваш привет) несчастье – Леночка почти 2 месяца больна, состояние ее очень⁹² тяжелое, и врачи по сей день не могут поставить диагноза. Какое-то общее отравление организма, источник которого не обнаружен. Мария Лазаревна из-за этого всего выглядит ужасно пришибленной и постаревшей.

В этот же конверт вкладываю письмецо Вадиму Серг[еевичу], т[ак] к[ак] не знаю его домашнего адреса. Надеюсь, что Вас не затруднит вручить ему это послание.

От нас обоих сердечный привет Эм[илии] Изр[аилев]не и Вам.

Обнимаю О. Вайнштейн [подпись]

Советую Вам приобрести харьковскую электробритву, сделанную по образцу Филиппс'а. Те, кто пользуются ею, очень довольны. М[ожет] б[ыть] она несколько похуже оригинала, но все же, говорят, очень хороша.

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 42–42 об. Автограф. Письмо.

№ 38: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград⁹³ – Одесса, 6 декабря 1957 г.

6/XII [1957⁹⁴]

Дорогой Саул Яковлевич,

Вчера получил ист[орию] Одессы и Ваши статьи. Очень благодарен за внимание. Одессу я с интересом, но пока очень бегло просмотрел. Чувствуется, что здесь разные редакторские правки и [...] ⁹⁵, под которыми скрылись живые черты. Почему Вас нет в составе редколлегии? В Готалово-Готлибовских⁹⁶ главах ваша рука чувствуется, куда в большей степени, чем автора. В общем, хорошо, что хоть это вышло.

Вы, вероятно, тоже получили книгу Н. Л. Руб[инштей]на. И Ваши и его книжные презенты лежат у меня на столе и ждут очереди, т[ак] к[ак] я все еще

в жесточайшем цейтноте. На меня сваливаются все новые поручения, одно неожиданнее другого. В Москве буду во 2-ой полов[ине] января.

Все наши кланяются Вам и Эмилии Израилевне.

Привет Вадиму С[ергеевичу] и всему его семейству.

Дружески обнимаю

О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 32–32 об. Автограф. Почтовая карточка.

№ 39: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград⁹⁷ – Одесса, 28 декабря 1960 г.

28/ХІІ [1958⁹⁸]

Дорогой Саул Яковлевич,

Мы своевременно получили Ваше письмо. Л[ариса] А[лександровна] рада, что покупка ее Вас устраивает. У нас особых перемен нет – работаю много, несмотря на досадные мелкие недомогания (очевидно, на почве нек[ото]рого переутомления). Сведения, к[ото]рые я имею о Ник[олае] Леонид[овиче], не очень утешительные. Он уже встал и ходит по комнате, но неск[олько] месяцев ему предписано отдыхать в санатории, причем врачам неясно, сможет ли он вернуться после длительн[ого] отдыха к регулярной работе. Инфаркт был исключительно силен. Но он обо всем этом не знает⁹⁹.

В Москве я вряд ли буду раньше апреля–мая. Мы всей семьей шлем наш привет и новогодние дружеские пожелания Эм[илии] Израилевне и Вам. Будьте здоровы.

Дружески жму руку

Ваш О. Вайнштейн [подпись]

Привет Вадиму Серг[еевичу] и его семье.

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 34–34 об. Автограф. Почтовая карточка.

№ 40: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград¹⁰⁰ – Одесса, 16 февраля 1959 г.

16/ІІ [1959¹⁰¹]

Дорогой Саул Яковлевич,

Прошу извинить меня 1) что своевременно не поблагодарил Вас за присланный оттиск – делаю это теперь, 2) что ограничиваюсь открыткой. В течение 1 ½ – 2 мес[яцев] я возился с ногами. Врачи уверяют, что я на пляже поцарапал ступни ног и туда проникла инфекция (стафилококки). В итоге в ноябре у меня появились наросты, кот[орые] очень болели при ходьбе. В конце концов пришлось подвергнуться мучительной операции (двукратной) и различн[ым] прижиганиям электричеством и снегом углек[ислого] газа. Ранки заживали долго, и я был в отврат[итель]ном настроении. Теперь все это позади. Но вот новая неприятность. По распоряжению высш[их] органов я за 2–3 недели должен написать статью (а м[ожет] б[ыть] и не для опубликования) по 1 из актуальн[ых] вопросов. Меня освободили от всех др[угих] обязанностей, и я работаю по 16

час[ов] в сутки. Я погрузился в груды нем[ецких] книг и т[ак] д[алее], а к маю нужно представить уже обширный коллективный труд справочн[ого] характера, что также лежит на моей ответственности. Словом, мне сейчас приходится тяжело.

Приехавшая из Москвы О. Е. Иванова привезла неутешительные сведения о Н[иколае] Л[еонидовиче]. Он все еще в больнице; к работе он уже не сможет вернуться. Я от него имел только открытку, он ничего не подозревает. Вся эта история с ним не выходит у меня из головы. Будьте здоровы, привет Эм[илии] Изр[аилевне] и Вам от всех наших.

(Света 20/II едет в Москву).

О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 35–35 об. Автограф. Почтовая карточка.

№ 41: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград¹⁰² – Одесса, 9 декабря 1959 г.

9/XII [1959¹⁰³]

Дорогие Эмилия Израилевна и Саул Яковлевич,

Благодарим Вас за поздрав[ительную] телеграмму. Не понимаю только, как Вы вспомнили об этом дне? Я его держу в строгом секрете, чтобы не стать жертвой любителей юбилеев. День этот прошел для меня очень печально, не только потому, что умер А-р Вас., что я остался один на всю квартиру, но еще и потому, что в Москве я, видимо, переусердствовал в занятиях и в течение первых 4 дней по приезде вынужден был заниматься лежа, и принимал валидол. Но сейчас это уже позади.

В Москве был, конечно, у Н[иколая] Л[еонидовича]. Он выглядит неплохо. Всех в Москве поразила внезапная смерть очень способного историка А-ра Цезарев[ича] Мерзона¹⁰⁴. Ему было всего 40 лет. Здесь так же внезапно после торжеств[енной] речи скончался Эйхенбаум¹⁰⁵. Но хватит этих мотивов.

Всего Вам лучшего.

Дружески Ваш О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 38–38 об. Автограф. Почтовая карточка.

№ 42: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград¹⁰⁶ – Одесса, 25 декабря 1959 г.

[25/XII 1959¹⁰⁷]

Дорогие Эмилия Израилевна

и Саул Яковлевич,

Все мы шлем поздравления к Новому году и наилучшие пожелания.

Л[ариса] А[лександровна] с благодарностью вспоминает о Вашем внимании к ней в тяжелые для нее дни. Она не успела даже попрощаться, т[ак] к[ак] выехала внезапно по телеграмме весьма неосторожного содержания, посланной Светланой насчет моих «сердечных» дел. Все оказалось не так страшно, как ей показалось.

С дружеским приветом

Л[ариса] А[лександровна] и О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 36. Автограф. Почтовая карточка.

№ 43: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград – Одесса, 15 марта 1960 г.

Л[енингра]д, 15/III [19]60

Дорогой Саул Яковлевич,

Прошу Вас и Вадима Сергеевича извинить меня за то, что посылаю Вам эти оттиски в одном пакете. Здесь достать пакет большого формата – целая проблема. Надеюсь, что я не слишком обременю Вас, возлагая на Вас эту обязанность – передачи В[адиму] С[ергеевичу] оттиска – ведь он у Вас часто бывает.

Я недавно вернулся из Москвы. Ник[олая] Леон[идовича] не видел, он был в Болшеве. По возвращению узнал о внезапной смерти моего старого приятеля и хорошего человека Сергея Борисовича Кала. Он долго лежал в больнице, пока решились ему сделать операцию (печени). Сразу после этого с ним случился инфаркт и он, промучившись два дня, умер. Обо всем этом я узнал из письма его сына уже когда был в Л[енингра]де. Перед отъездом написал ему письмецо, он себя хорошо чувствовал, да и никто не мог предвидеть такого финала. В[адим] С[ергеевич], который его хорошо знал, будет, конечно, очень опечален.

Как у Вас обстоят дела? Как Эм[илия] Израилевна? Мы с Л[арисой] А[лександровной] отпуск проведем, вероятно, снова в Одессе, если не удастся раньше разделаться с дачей.

Все мои «дамы» – их двое, как Вам известно, – шлют всему Вашему дому сердечный привет.

Дружески Ваш О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 43–44. Автограф. Письмо.

№ 44: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград – Одесса, 20 ноября 1960 г.

20/XI [1960¹⁰⁸]

Дорогой Саул Яковлевич,

Благодарим за теплое письмо. В простуде Вы сами виновны – незачем было франтить в легком пальто. Пора остепениться.

У нас здесь перед окончанием года большая аттестация. Нужно заканчивать разн[ые] работы, писать отчеты и т[ак] д[алее]. Все же находим время бывать в театрах, гл[авным] о[бразом] в связи с гастролями – то перуанск[ой] певицы, то театра Ермоловой, то чехословацкого Revue. Последнего мы еще не видели – говорят, очень интересно. Это удовольствие нас ждет в нач[але] декабря.

В научном мире без перемен. В ближайшие дни будет здесь наш директор – Хвостов¹⁰⁹, сделает доклад о всемирном ист[орическом] конгрессе¹¹⁰. У наших там не все было удачно – «в теории ист[орической] науки мы отстали». Вся штука в том, что на конгрессе были одни москвичи и по 1 члену от нек[оторых] республик. 1 из них – азербайджанец должен был делать доклад, но уже в Стокгольме заявил «нэ могу». Почему: «нэ знаю языка». «Ну делайте по франц[узски], «нэ могу»; «по немецки» – «нэ могу»; «ну хоть по-русски»

– «тоже нэ буду». Так и просидел все время без толку. От Л[енингра]да, как известно, не было ни одного историка.

На днях получил от Ник[олая] Леон[идовича] письмо, не особенно бодрое. Что-то у него опять произошло и он редко выходит. Настроение у него, видимо, неважное.

Как сейчас со здоровьем? Как Эм[илия] Изр[аилевна]? Мы оба шлем ей большой привет.

7/XI у нас был «раут». Среди гостей были Тронские. И[осиф] М[оисеевич] оказался неожиданно для всех интересным собеседником, особенно для своих соседок за столом.

Вероятно, Вы уже знаете, что внезапно 12/XI скончался С. И. Ковалев¹¹¹.

Будьте здоровы!

Обнимаю О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 45–46. Автограф. Письмо.

№ 45: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград¹¹² – Одесса, 11 сентября 1960 г.

11/IX [19]60

Дорогой Саул Яковлевич,

На днях получил Ваши оттиски и прочел их с большим интересом. По этому случаю вспоминаю вступит[ельную] лекцию по ист[ории] Новороссии, кот[орую] читал в 1915 или 1916 г[оду] покойный Загоровский¹¹³, тогда еще начинающий прив[ат]-доцент. Свой учебник я почти закончил; точнее – весь текст готов, но еще много возни из-за неизбежных сокращений. Учебник (по машинописи) теперь подвергается проверке на учащихся 6–7 классов в одной из школ.

Передайте наш сердечный привет Эм[илии] Изр[аилевне].

Дружески жму руку

О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 37–37 об. Автограф. Почтовая карточка.

№ 46: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград – Одесса, [до 1960 г.¹¹⁴].

Дорогие Эмилия Израилевна и Саул Яковлевич,

Благодарим Вас за поздравл[ения] и пожелания. Нам со своей стороны хочется пожелать Вам обоим здоровье, а С[аулу] Я[ковлевичу] сверх того творческих успехов и возможности шире печатать свою продукцию. Перспективы в этом отношении для тех, кто не занимается историей сов[етского] о[бществ]а довольно печальные. Будем надеяться, что в наступающем году увлечение антиисторизмом кончится. В связи с окончанием года я так много писал, что для друзей уже и время не оставалось.

Сердечный привет!

Л[ариса] А[лександровна] и О[сип] Л[ьвович]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 64. Автограф. Почтовая карточка.

№ 47: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград¹¹⁵ – Одесса, 20 января 1961 г.

20/І [1961¹¹⁶]

Дорогой Саул Яковлевич,

В Одессе уже неск[олько] дней находится Лариса Алекс[андровна]. Она вылетела по тревожной телеграмме насчет состояния ее матери. Если у Вас или Эм[илии] Изр[аилевны] будет свободная минута, загляните к ней. Я боюсь, что она превратилась в сиделку и санитарку и даже чело[в]еческого лица не видит. Не говорите, что я Вам писал об этом. Возможно, что люди обещавшие ей работу, сдержат обещание.

Дружеский привет Вам обоим от меня и Светы.

Ваш О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 26–26 об. Автограф. Почтовая карточка.

№ 48: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград¹¹⁷ – Одесса, 20 января 1961 г.

8/ІІ [1961¹¹⁸]

Дорогой Саул Яковлевич,

Получил Вашу открытку. Очень благодарен Вам и Эм[илии] Изр[аилевне] за внимание. Л[ариса] А[лександровна] до сих пор у Вас не была, т[ак] к[ак] заболела и в течение недели не выходила из дому. Кажется, у нее, наконец, что-то налаживается с девушкой для ее матери, и она получит возможность вернуться. У меня, как на грех, скопилось неск[олько] докладов, приходится работать больше обычного, я сильно переутомился и совершенно потерял способность спать (если не считать 2–3 часа полузабытья). Это очень мучительно; собираюсь на 2 недели уйти в отпуск, куда-ниб[удь] в дом отдыха. Иначе не дотянуть до лета.

Сердечный привет Эмилии Израилевне.

Дружески Ваш О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 71–71 об. Автограф. Почтовая карточка.

№ 49: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград¹¹⁹ – Одесса, 30 марта 1961 г.

30/ІІІ [1961¹²⁰]

Дорогой Саул Яковлевич,

Л[ариса] А[лександровна] и я приносим Вас свою благодарность за хлопоты по поводу матери Л[арисы] А[лександровны]. Как я узнал из вчера полученного письма сестры, ее все же отказались госпитализировать. Получается какая-то нелепость: [...] для ухода нельзя найти и в больницу не берут. В то же время Л[ариса] А[лександровна] никак не может приехать из-за меня. Прикреплен[ный] врач ей строжайше запрещает оставлять меня одного (Свет-

лана переехала к своему мужу). Вот так и выходи из положения как знаешь.

У нас никаких перемен, даже в погоде. Предстоят большие орг[анизационные] перемены в АН.

Передайте наш общий серд[ечный] привет Эм[илии] Изр[аилевне].

Обнимаю Ваш О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 70–70 об. Автограф. Почтовая карточка.

№ 50: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград¹²¹ – Одесса, 27 апреля 1961 г.¹²²

Дорогие Эмилия Израилевна и Саул Яковлевич,

Шлем всем поздравления и дружеские пожелания к 1 мая.

У нас никаких особых перемен нет. АН перестраивается, но нас это пока что не затронуло. В Москву все никак нам с Л[арисой] А[лександровной] не выбраться, все нам что-то мешает.

Сердечный привет вам обоим от нас и Светланы.

Ваши Л[ариса] А[лександровна] и О[сип] Л[ьвович]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 72–72 об. Автограф. Почтовая карточка.

№ 51: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград¹²³ – Одесса, 22 мая 1961 г.

22/V [1961¹²⁴]

Дорогой Саул Яковлевич,

Простите, что сразу не поблагодарил Вас за оттиск, который я прочел с большим интересом (он очень хорошо написан) и за последовавшее за ним письмо. Я чувствовал себя последние 2 недели очень неважно из-за нервного переутомления и бессонницы, которую уже не ликвидируют никакие медикаменты. Жду с нетерпением отпуска, но раньше середины июля нет надежды его получить. С издат[ельскими] делами все очень осложнилось, а я отв[етственный] редактор очередного сборника ЛОИИ. Он должен был выйти в начале июня, а теперь все сроки под вопросом.

Сюда приезжает Нина Лазаревна¹²⁵ (дня на 3–4), но день, когда она свидится здесь со знакомыми совпадает с нашей серебряной свадьбой. Но возможно я с нею все же побеседую. Марья Лазаревна уезжает сегодня встречать ее в Москве. Из-за ВАК'а, к[ото]рый меня не забывает в качестве рецензента докт[орских] дисс[ертаций], у меня сильнейшая перегрузка.

Привет Эм[илии] Изр[аилевне] от нас обоих.

Обнимаю О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 69–69 об. Автограф. Почтовая карточка.

№ 52: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград – Одесса, 14 марта 1962 г.

14/III [1962¹²⁶]

Дорогой Саул Яковлевич,

С большим удовольствием прочел Вашу статью об экон[омических] взглядах Пушкина¹²⁷. Вот не ожидал, что у него были экон[омические] взгляды (м[ожет] б[ыть] потому, что он задыхался в сетях долгов, в которых — во всяком случае в большей их части — была повинна Над[ежда] Осиповна¹²⁸). Неск[олько] лет тому назад Вашу статью, пожалуй, побоялись бы напечатать. Как бы не показалось кому-нибудь, что это принижение образа великого народного¹²⁹ поэта.

История с Вашим ректором очень поразила меня и всех, кому я ее рассказал. Пойман ли преступник?

Ник[олай] Леонид[ович] мне писал, что Вы у него были; он нашел Вас очень бодрым и, по обыкновению, живым. Сам он полон всяких планов и, судя по тону письма, чувствует себя хорошо.

Я должен в этом году сдать I том своей историографии. Получилась у меня с этим неувязка. Предполагалось, что я доведу изложение до 1917 г[ода], но т[ак] к[ак] работа приняла чисто исследовательский характер и построена почти исключительно на источниках, то I том будет доведен только до конца XVI в[ека] (да и то, не знаю, как уместить в него франц[узскую] и немецкую и[сториогра]фии и отдельный экскурс об историческом методе гуманистов XV–XVI в[еков]).

Как на это посмотрят в Москве, не знаю (хотя я своевременно представил объяснит[ельную] записку, но такие вещи там не читают). Как бы там ни было, я глубоко влез в труды гуманистов, прочитал помимо Макиавелли, Гвиччардини неск[олько] десятков¹³⁰ других историков и имею обо всех собственное мнение. А ведь всему этому предшествует церковно-феодалная историография VI–XV в[еков]! Вот я и барахтаюсь в этом море.

Что подельывает Вадим Серг[еевич]. Я по его просьбе что-то ему писал, посылал, но так и не знаю, что из всего этого вышло. Здесь была (или еще находится) Наташа. Она позвонила разок Л[арисе] А[лександровне], обещала зайти, но больше мы ничего о ней не слышали и даже не знаем, где она живет (или жила).

Это, видимо, семейная черта...

В этом году мы появимся в Одессе около середины июля.

Л[ариса] А[лександровна] и Светочка шлют вам обоим привет.

Дружески жму руку

Ваш О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 63–63 об., 65–65 об. Автограф. Письмо.

№ 53: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград – Одесса, январь 1963 г.¹³¹

Дорогие Эмилия Израилевна и Саул Яковлевич,

Поздравляем Вас с Новым годом и шлем наши дружеские пожелания. Мы лишь сегодня вернулись из Москвы, где я сначала 5 дней «заседал», а затем дней 10 работал в б[иблите]ках. Отпраздновали мы у Ник[олая] Леонид[овича] день его рождения (24/ХІІ). Он пока не выходит, вид у него неважный. Я был очень удивлен, не видя Вас на совещании и вообще одесситов. Даже Фрунзе послал целую делегацию, б[ольшинство] ч[ленов] имеющих к ист[орической] науке отдаленное отношение. На секции всеобщ[ей] ист[ории] я выступал. Но ни от этого, ни от др[угих] выступлений я не жду никаких существен[ных] перемен. Основн[ой] доклад был многообещающим, но заключит[ельное] слово и ответы на записки возродили скептицизм. Лет[ний] час по горло занят подготовкой рук[опи]си к печати (в Соцэкгизе!). Сердечный привет от нас обоих.

Л[ариса] А[лександровна] и О[сип] Л[ьвович]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 62 об. Автограф. Почтовая карточка.

№ 54: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград – Одесса, 11 февраля 1963 г.

11/ІІ [19]63¹³²

Дорогой Саул Яковлевич,

Вот уже 5 дней, как я вернулся из Москвы, и только сегодня выдалась свободная минута. Вы, вероятно, уже знаете подробности о кончине Ник[олая] Леонид[овича]. На всякий случай сообщаю о том, что там узнал. 26/І в 10 ч[асов] вечера Н[иколай] Л[еонович] принял таблетку от бессонницы и скоро заснул. В 11 ч[асов] Надя, отправляясь тоже ко сну, услышала странный хрип из комнаты. Она нашла его с запрокинутой головой, на губах была пена. Она немедленно вызвала ск[орую] помощь, но оттуда ответили, чтобы она вызвала неотложную. Она позвонила туда, а также А. М. Розгону. Когда все они прибыли, он был еще теплый, но уже мертв. Его кремировали, а урну с прахом похоронят в Новодевичьем, на могиле Сергея Леонидовича. О смерти Н[иколая] Л[еоновича] мне позвонил тотчас же Григ[орий] Мих[айлович], но в день похорон как раз утверждалась на Уч[еном] совете моя книга, этого не могли отложить, да и Лар[иса] Ал[ександровна] опасалась за мои переживания. Ведь нас связывала 47-летняя дружба. Все это очень грустно, я и сейчас еще подавлен. Ему было, если не ошибаюсь 64 г[ода]. Только 24/ХІІ мы с Л[арисой] А[лександровной] были у него в день рождения, а 13/І я получил от него оттиск. Я кажется писал уже Вам, что нашел его в этот свой визит очень плохим. Во всяком случае, утешительно то, что он умер внезапно, в сонном состоянии («во сне» как сказал врач). Объявление о гражд[анской] панихиде (она состоялась в Арх[иологическом] ин[ститу]те, куда перенесли тело) было только в «Моск[овской] правде» от ун[иверсите]та, Музея истории и др[угих] учреждений, с к[ото]рыми он был связан.

В Москву я был вызван Нечкиной на конференцию Научн[ого] совета по ист[ории] ист[орической] науки. Всеобщ[ая] ист[ория] там почти не была представлена, и я активного участия в этом деле не принял, а лишь подал в письм[енном] виде свои замечания по сводн[ому] плану историограф[ической] работы (нелепо составленному). Помимо этого, мне нужно было добиться, чтобы книгу печатали не в Соцэкгизе, а в из[дательст]ве А[кадемии] н[аук], т[о] е[сть] в Лен[ингра]де. Этого я добился без труда, но возни будет мне не мало, т[ак] к[ак] в книге 750 машинописн[ых] страниц и масса «иностранщины».

Сейчас у меня передышка, мой врач хочет поместить меня на 2 недели в больницу-санаторий А[кадемии] н[аук] под Лен[ингра]дом «на испытание» по поводу моих мелких недомоганий, но у меня какое-то отвращение к подобным делам и я не уверен, что соглашусь.

Иос[иф] Моис[еевич] уже 2-ой месяц лежит. У него было нечто в роде инфаркта, но ему теперь лучше – он уже встает. Виной он сам: выступал на защите Залесского¹³³ (дурака: античника) с речью на 1 ½ часа, и этим довел свое сердце до такого состояния.

У нас все, в общем благополучно. Л[ариса] А[лександровна] и я шлем вам обоим дружеский привет.

Обнимаю О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 73–74 об. Автограф. Письмо.

№ 55: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград¹³⁴ – Одесса, 27 апреля 1964 г.¹³⁵

Дорогие Эмилия Израилевна и Саул Яковлевич,

24/IV мы вернулись из Москвы после 2-х нед[ель] пребывания там. Моя книга выйдет в этом году. Ее «гонят» быстрыми (для из[дательст]ва А[кадемии] н[аук]) темпами. Мы оба мечтаем хоть о короткой передышке и свежем воздухе Черного моря. Но в наше время дни летят незаметно, и до июля рукой подать.

Шлем Вам дружеские пожелания здоровья и хорошего настроения.

Ваши Л[ариса] А[лександровна] и О[сип] Л[ьвович]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 76. Автограф. Почтовая карточка.

№ 56: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Черноморка – Одесса, 4 сентября 1964 г.

Черноморка, 4.IX.[19]64

Дорогой Саул Яковлевич,

Завтра мы возвращаемся в Л[енингра]д, шлем Эмилии Израилевне и Вам, а также семье Алексева-Попова привет. Очень удивлены, что Вы все так ни разу и не показались у нас. Что такое стряслось?

(Всю верстку моей книги прислали мне сюда, так что не было нужды прерывать отпуск).

Ваш О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 75–75 об. Автограф. Почтовая карточка.

№ 57: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград – Одесса, декабрь 1964 г.¹³⁶

Дорогой Саул Яковлевич,

Спешу поблагодарить Вас за теплую, дружескую телеграмму, – целое послание, которое выделяется среди других отсутствием стандартных фраз.

Наконец, весь шум-бум, поднятый по поводу такого, в сущности печального факта, как вступление в 8-ой десяток лет, окончился. Я получил сотню телеграмм и множество адресов от разных учреждений, что явилось для меня полной неожиданностью. Вообще меня держали в полном неведении по поводу этого заговора против моего размеренного и спокойного существования до 6/ XII. ЛОИИ, Эрмитаж, Б[иблите]ка АН, Публ[ичная] б[иблите]ка преподнесли целые подарки, а в выступлениях сделали такой обзор моей деятельности, с такими преувеличениями и прилагательными в превосходной степени, какие можно услышать только на гражданской панихиде.

К счастью, все это кончилось, включая и приемы посетителей, что длилось три дня и явилось большим испытанием для Ларисы Ал[ександров]ны.

Надеюсь, что мою книгу Вы получили своевременно. Буду очень рад Вашим приятельским замечаниям.

Если увидите Вадима Ал[ександрови]ча, передайте, пожалуйста, что книга будет ему выслана по выходе всего тиража, вероятно, в самые ближайшие дни.

Все члены моей семьи шлют Эмилии Израилевне и Вам дружеский привет. Крепко жму руки и обнимаю.

О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 66–67. Автограф. Письмо.

№ 58: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград – Одесса, 2 мая 1965 г.

2/V [1965]¹³⁷

Дорогой Саул Яковлевич,

Мы с Л[арисой] А[лександровной] пожелания к 1 мая и со своей стороны просим Эмилию Израил[евну] и Вас принять наши поздравления и пожелания.

Мы собирались к 13/V в Одессу на празднование 100-летия ун[иверсите]та (я получил письмо от секретаря партбюро ун[иверсите]та, послал по его просьбе свою фотокарточку etc), но пока никакого официальн[ого] приглашения не имею. Но Л[ариса] А[лександровна], даже в случае получения приглашения, со мною не полетит, т[ак] к[ак] мы собирались было оттуда в Киев на Ленин[градскую] сессию по ист[ории] ист[орической] науки, а сессию перенесли на 17–18 июня. Очевидно, и я не попаду на эту сессию, ибо вероятно поеду в августе на Всемирн[ый] конгресс в Вену, а перед этим нужно основательно отдохнуть. Так что мы скорее всего приедем в Одессу на 2 мес[яца] в середине июня, т[аким] о[бразом] на месяц раньше обычного, а уеду я еще до сбора винограда и персиков – увы!

С дружеским приветом
Ваш О. Вайнштейн [подпись]

Р. С. У Тронских все в порядке. Амусин с успехом защитил докторскую, говорят, было очень интересно, но я не мог попасть. У нас здесь покончил самоубийством мой некогда аспирант – С. М. Пулетянский, а в Алма-Ате внезапно умер (во сне! Тоже м[ожет] б[ыть] неспроста) другой мой почти аспирант в прошлом – Цукернюк! Неприятно получать такие известия.

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 61–61а об. Автограф. Письмо.

№ 59: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград – Одесса, декабрь 1965 г.¹³⁸

Дорогие Эмилия Израилевна и Саул Яковлевич,

Надеемся, что Ваши ауспиции на 1966 г[од] вполне благоприятны, и что летом (если раньше не увидимся) найдем вас обоих в добром здравии и хорошем настроении. Я сейчас по уши увяз в работе, нахожусь в жестоком zeitnot'e¹³⁹, т[ак] к[ак] ист[ория] сов[етской] медиевистики, особенно в 40–50-х г[одах] такой орешек, к[ото]рый просто не разгрызешь. Приглашали меня на доклад в Москву, но я не поехал. Противно по 5 раз переписывать те или иные страницы, от этого и не так устанешь. В общем, будьте здоровы, мы поздравляем вас С Новым годом!

Л[ариса] А[лександровна] и О[сип] Л[ьвович]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 77. Автограф. Почтовая карточка.

№ 60: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград – Одесса, 8 января 1966 г.

Л[енингра]д, 8/1 [1966]¹⁴⁰

Дорогой Саул Яковлевич,

Только что получил Ваши и Э[мили] И[зраилевны] поздравления. Мы все шлем Вам дружеский привет и пожелания. Я не пишу вообще, т[ак] к[ак] все время нахожусь в сильнейшем цейтноте из-за всяких внеплановых работ, частых выступлений – в связи с Венским конгрессом, в Москве с 90-летием рождения Тарле и т[ак] д[алее]. Писать о Венск[ом] конгрессе не стоит: впечатления настолько богаты и разнообразны, что их в неск[ольких] словах не изложить, лучше подождем личн[ой] встречи.

Еще раз всего хорошего. Крепко жму руку. Рады улучшению здоровья Эм[или] Изр[аилевны] – ей наш особый привет.

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 68. Автограф. Почтовая карточка.

№ 61: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград – Одесса, 12 мая 1966 г.

12/V [19]66

Дорогой Саул Яковлевич,

Прошу извинить меня за то, что сразу не откликнулся на Ваше дружеское

первомайское послание. У меня и майских праздников не было, прикован к письм[енному] столу, т[ак] к[ак] сроки представленные почти надвигаются, а у меня с нею масса непредвиденных трудностей и к тому же приходится выполнять массу черновой, чисто секретарской, механической работы. В довершении всего у меня очень осложнилось дело с другими обязанностями. Одна из них – необходимость выступить на конференции в конце мая в Москве по вопросам генезиса феодализма, от чего мне не удалось уклониться. Хорошо еще, что я уклонился от конференции по генезису капитализма (11–14 мая, тоже в Москве)¹⁴¹, хотя присланная мне книжка Чистозвонова¹⁴², в которой ставятся всякие «проблемы», вызывает по ряду пунктов самые решительные возражения. Несколько дней у меня почти пропало из-за срочной подготовки нового «выездного дела». Главное, я не уверен, что из этого что-нибудь выйдет и не буду печалиться, если не выйдет, хотя речь идет о поездке в Англию. Но и для этого мне нужно кое-что подготовить, и это «кое-что» потребует нового отвлечения от плановой работы. Словом, куда ни кинь, всюду клин.

По-видимому, в этом году мне придется весь мой отпуск просидеть на даче за бумагами – перспектива не из приятных, т[ак] к[ак] я очень устал (уже!). Л[ариса] А[лександровна] приедет, вероятно, в июне, а я выберусь не раньше 15–17 июля. Если Вы увидите Вадима, прошу передать ему, чтобы он мне ничего не пересылал по почте, а передал моей сестре (Фр[анца] Меринга, 75, кв[артира] 1), если, конечно, она уже не выехала на дачу.

Л[ариса] А[лександровна] и я сердечно приветствуем Эмилию Израилевну, надеемся увидеть ее здоровой.

У нас сегодня – первый весенний день, хотя по Неве идет лед с Ладоги, и от реки веет холодком.

Дружески жму руку

Ваш О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 79–80. Автограф. Письмо.

№ 62: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград – Одесса, 7 января 1969 г.¹⁴³

Л[енинград], 7/1

Дорогой Саул Яковлевич,

Извините за то, что мы своевременно не поздравили Эм[илию] Изр[аилевну] и Вас с Новым годом и шлем Вам наши пожелания с большим опозданием. В конце прошлого и начале этого года я так загружен всякого рода работой, что не имел возможности заниматься чем либо другим 1) имею большую мороку с выходящей в феврале (вероятно) моей новой книгой, в к[ото]рой более 800 имен и мн[огие] повторяются по неск[олько] раз. Мой редактор – большой придира, и достаточно какой-либо неточности в инициалах, чтобы он пришел в паническое состояние, 2) мне приходится много выступать по несколько чуждой мне тематике – по теоретическим вопросам истории, 3) у нас идет подготовка к двум событиям, к[ото]рые состоятся только в 1970 г[оду], и уже сейчас на

это у нас тратится немало времени – я имею в виду Всемирн[ый] конгресс историков в Москве¹⁴⁴ и Всем[ирный] конгресс по эконом[ической] истории в Ленинграде¹⁴⁵. А у нас по всеобщ[ей] ист[ории] пусто – Скржинская¹⁴⁶ лежит с инфарктом, хотя и неопасным, но лежит; Люблинская¹⁴⁷ на полгода уехала в Париж (в научную командировку), Фурсенко¹⁴⁸ сидит б[ольшей] ч[астью] времени в Москве – он (не шутите!) генеральный секретарь второго из конгрессов и скоро уезжает по этим делам в США и т[ак] д[алее] и т[ому] п[одобное]. Вот я и пропадаю на всяких заседаниях и отдуваюсь за отсутствующих.

Дружеский привет вам обоим и наилучшие пожелания.

Л[ариса] А[лександровна] и О[сип] Л[ьвович]

О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 59–60. Автограф. Письмо.

№ 63: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград – Одесса, 7 мая 1971 г.¹⁴⁹

7/V

Дорогой Саул Яковлевич,

Пишу Вам не сразу по получению Вашей открытки, т[ак] к[ак] всю вторую половину апреля и нач[ало] мая у нас в семье был грипп. Как ни странно, но на этот раз начало положил я, никогда не болевший гриппом. Очевидно, мой «иммунитет» кончился.

У нас никаких особых новостей нет, если не считать того, что я закончил 1-ю часть своей очередной работы «История западноевроп[ейской] и америк[анской] философии и методологии истории за 1850–1917 гг.». Первая часть только до 1917 г[ода]. Она еще не обсуждалась в ЛОИИ.

У А. Д. Люблинской был инфаркт, теперь она на отдыхе. Наш шеф и нынешний зав[едующий] ЛОИИ Носов¹⁵⁰ 2 недели провели в Италии и только что вернулись. Меня приглашали туда же, но меня, очевидно, берегут от утомительных поездок.

Летом, надеюсь, увидимся не раз, если пустят в Одессу. Привет от Л[арисы] А[лександровны].

Ваш О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 78–78 об. Автограф. Почтовая карточка

№ 64: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград – Одесса, 11 января 1973 г.

11/I [19]73

Дорогой Саул Яковлевич,

Я не писал Вам, т[ак] к[ак] в октябре попал в больницу, где у меня после длительных процедур нашли камешки в желчном пузыре (т[ак] н[азываемая] «желчная болезнь») и, разумеется предложили операцию. Я, было, дал уже согласие, но Л[ариса] А[лександровна] запротестовала, и буквально накануне операции я отказался от нее и был отпущен с миром (и с камешками). Теперь

лечусь 1) диетой, 2) всякими снадобьями. Пока что все относительно благополучно. Приходится очень много работать (гл[авным] о[бразом] за конторкой, стоя) над своей книгой «Очерки развития филос[офии] и методол[огии] истории»¹⁵¹. Приходится читать и конспектировать сотни книг и статей на 6 языках. Влез я в это дело основательно и 2/3 написал, но осталось много трудностей. Не знаю, когда доведу дело до конца. В общем веду однообразную и трудовую жизнь. Если бы не заботы Л[арисы] А[лександровны] мне бы пришлось плохо.

Недавно получил теплое письмо от Вадима. Он собирается в Л[енинград], потому ему не пишу. Передайте ему и Екат[ерине] Ал[ександровне] наш друж[еский] привет.

Ваш О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 81. Автограф. Почтовая карточка.

№ 65: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград – Одесса, 6 декабря 1974 г.

6/ХІІ 1974

Дорогой Саул Яковлевич,

Большое спасибо за телеграмму и вообще за дружеское внимание и участие к такому нерадостному, в общем, событию, как 80-летие. Во всяком случае, я себя таковым пока что не чувствую и работаю, пожалуй, больше, чем прежде, т[ак] к[ак] бываю в Институте не более одного раза в неделю. Поэтому я надеюсь, что моя книга по вопросам философии, истории и социологии будет доведена до конца и, надеюсь, выйдет в свет. Для меня будет большой радостью, если мне удастся послать ее Вам с теми дружескими чувствами, которые я к Вам уже так много лет испытываю.

Прошу передать наш привет Раисе Борисовне.

Обнимаю Вас дружески.

Ваш О. Вайнштейн [подпись]

10/ХІІ мне еще предстоит выдержать официальное чествование в И[нститу]те истории.

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 82. Автограф. Письмо.

№ 66: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград – Одесса, 12 января 1975 г.

Ленинград 12/І [19]75

Дорогой Саул Яковлевич,

В конце декабря я простудился, лежал целую неделю и поэтому не мог своевременно выразить Вам чувство глубокой признательности за Ваше активное и дружеское участие в вечере на истфаке в ОДУ¹⁵² по случаю моего 80-летия. У меня была сильно запущена работа, от которой меня не освободил и переход на пенсию: как отв[етственного] редактора подготавливаемого нового (III) сборника ЛОИИ («Критика новейшей бурж[уазной] историографии»), ни руководителя теоретич[еского] семинара ЛОИИ, ни завершение моей собственной книги по

теоретич[еским] проблемам историч[еской] науки. И все это срочно.

Я получил массу приветствий со всех концов Сов[етского] Союза (даже из Киргизии, Свердловска, Львова и т[ак] д[алее]) и мне совестно, что я до сих пор не написал хоть парочку строк благодарности.

У нас начались большие морозы, что благоприятно для здоровья и работы. Так что я снова часами сижу за письмен[ным] столом и только по вечерам Л[ариса] А[лександровна] выводит меня на прогулку.

Возможно, что в этом году нам удастся избавиться от «дачи», содержать которую нам становится в тягость.

Привет Раисе Борисовне от нас обоих.

Дружески обнимаю

Ваш О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 83–83 об. Автограф. Письмо.

№ 67: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград – Одесса, 30 декабря 1975 г.¹⁵³

Дорогой Саул Яковлевич,

Поздравляю Вас с супругой и шлю дружеские пожелания успехов в предстоящем году, а главное – здоровья и бодрости. Давно ничего от Вас не имел. Для меня отходящий в вечность год 1975 был годом окончания моего «Очерка развития философии и методол[огии] ист[ории] в 19–20 вв.», к[ото]рый сегодня будет утверждаться к печати, но если выйдет, то не ранее 1977! Таковы пока и темпы. Мы с Ларисой Алекс[андровной] надеемся увидиться с Вами в наступающем году.

Обнимаю Вас О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 84. Автограф. Почтовая карточка.

№ 68: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград – Одесса, 26 апреля 1976 г.¹⁵⁴

Дорогой Саул Яковлевич,

Долго не имел сведений о Вас и сам не писал, т[ак] к[ак] заканчивал и дополнял свою последнюю¹⁵⁵ книгу – «Очерки развития философии и методологии истории в 19–20 вв.». Книга закончена, но ЛОИИ хлопочет, чтобы ее издали в этом году – либо она будет «задвинута» до 1978 г[ода], когда она утратит интерес новизны. Если она выйдет в этом году, то Вы ее, конечно, от меня получите.

Давно не имел известий ни от Вас, ни от Вадима. Поздравляю Вас с 1 мая.

Обнимаю О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 85. Автограф. Почтовая карточка.

№ 69: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград – Одесса, 25 декабря 1976 г.¹⁵⁶

Дорогой Саул Яковлевич,

Давно ничего не получал от Вас, да и сам не писал, т[ак] к[ак] уже год как полностью закончил книгу, а она пойдет в печать только в следующем году, и все эти проволочки любого выведут из равновесия. Впрочем я продолжаю работать, чтобы не заплесневеть. Надеюсь, что это Вам не грозит, и потому примите от нас обоих дружеские пожелания к Новому году.

Напишите как-нибудь, как поживаете, что делаете?

Ваш О. Вайнштейн [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 86 об. Автограф. Почтовая карточка.

№ 70: О. Л. Вайнштейн С. Я. Боровому, Ленинград – Одесса, 30 декабря 1978 г.¹⁵⁷

Дорогой Саул Яковлевич,

Дружески поздравляем Вас с наступающим 1979 г[одом] и желаем Вам здоровья и хорошего настроения. Давно не имели от Вас вестей. Не знаем также, пришел ли в себя Вадим Сергеевич. Я рассчитывал послать Вам к Новому году мою новую книгу, но один академик из Москвы увез на несколько недель готовый к печати экземпляр верстки – точнее затребовал от изд[ательст]ва выслать ему срочно и тем сорвал выход книги в 1978 г. Так что если эта дата останется на [...] ¹⁵⁸, не верьте ей.

Привет от Л[арисы] А[лександровны].

Ваш О. Вайнштейн [подпись]

Не собираетесь ли в Ленинград?

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 2, д. 18, л. 87 об. Автограф. Почтовая карточка.

Примечания

¹ Автор выражает благодарность за помощь в сборе материала для написания данной статьи сотрудникам Государственного архива Одесской области – и. о. директора Л. Г. Белоусовой, главному специалисту отдела информации, использования документов и внешних связей А. Г. Гейтан; старшему хранителю фондов Т. И. Сороковской и другим коллегам.

² Подробную библиографию о жизни О. Л. Вайнштейна см.: Левченко В. В. Осип Львович Вайнштейн : к истории одесского периода в жизни ученого. *Мир историка: историогр. сб.* Омск, 2017. Вып. 11. С. 280–311.

³ Подробнее о жизни С. Я. Борового см.: Боровой С. Воспоминания. М. : Иерусалим, 1993. 384 с. ; Андреев В. М., Чермошнцева Н. М. Саул Боровий: еврейський вектор історії України. Херсон-Нікополь, 2010. 191 с. ; Левченко В. В. Коллизии Саула Борового при получении научных званий и степеней. *Евреи Европы и Ближнего Востока: культура и история, языки и литература.* СПб., 2018. С. 176–184 и др.

⁴ Одесский кредитно-экономический институт (ОКЭИ).

⁵ Жена О. Л. Вайнштейна.

⁶ Жена С. Я. Борового.

- ⁷ См.: Вайнштейн О. Л. Юбилейная научная сессия Ленинградского университета: [20 ноября – 8 декабря 1944. Посвященная 125-летию университета : Обзор докладов по истории]. *Ист. журн.* 1945. № 4. С. 107–110.
- ⁸ Тарле Евгений Викторович (1874–1955) – историк, педагог, академик АН СССР (1927).
- ⁹ Смирнов Владимир Иванович (1887–1974) – математик, академик АН СССР (1943).
- ¹⁰ Шмидт Отто Юльевич (1891–1956) – математик, астроном, академик АН СССР (1935).
- ¹¹ Трайнин Илья Павлович (1886 (1887) – 1949) – юрист, академик АН СССР (1939).
- ¹² Дочь О. Л. Вайнштейна.
- ¹³ Родители жены О. Л. Вайнштейна.
- ¹⁴ Поршнев Борис Федорович (1905–1972) – историк и социолог, доктор исторических (1941) и философских (1966) наук.
- ¹⁵ В это время О. Л. Вайнштейн работал над книгой «Россия и Тридцатилетняя война 1618–1648 гг. Очерки из истории внешней политики Московского государства в первой половине XVII в.», вышедшей в 1947 г.
- ¹⁶ В данном суждении О. Л. Вайнштейн ошибался. Б. Ф. Поршнев работал над этой темой и в 1945 г. опубликовал две статьи. См.: Поршнев Б. Ф. Московское государство и вступление Швеции в Тридцатилетнюю войну. *Ист. журн.* 1945. № 3. С. 3–20 ; Поршнев Б. Ф. Русские субсидии Швеции во время Тридцатилетней войны. *Изв. Акад. наук СССР. Серия истории и философии.* 1945. Т. 2, № 5. С. 319–340.
- ¹⁷ Амусин Иосиф Давидович (1910–1984) – историк, гебраист, доктор исторических наук (1965).
- ¹⁸ Алексеев-Попов Вадим Сергеевич (1912–1982) – историк, специалист по истории Франции XVIII в., доцент Одесского университета (1948–1978).
- ¹⁹ См. История средних веков : пособие для студентов неисторических факультетов / отв. ред. А. Д. Люблинская. Л., 1946. 424 с.
- ²⁰ Массон Михаил Евгеньевич (1897–1986) – археолог и историк-востоковед, заслуженный деятель науки УзССР (1944), академик АН Туркменской ССР (1951).
- ²¹ Добролюбский Константин Павлович (1885–1953) – историк, исследователь истории Франции XVIII в., доктор исторических наук (1936), профессор Одесского университета (1934–1953).
- ²² Город в СССР (с 1948 г. Зеленогорск).
- ²³ Рубинштейн Николай Леонидович (1897–1963) – историк, специалист в области историографии истории России доктор исторических наук (1940).
- ²⁴ Белякевич Иван Иванович (1905–1984) – историк, востоковед, славист. Ректор Львовского университета (1944–1948).
- ²⁵ Глядковская Анна Ивановна (1886–1962) – историк революционного и рабочего движений. Профессор Одесского (1934–1941) и Львовского (1945–1956) университетов.
- ²⁶ Мавродин Владимир Васильевич (1908–1987) – историк, доктор исторических наук (1940), профессор Ленинградского университета (1937–1987).
- ²⁷ См.: Ленинградский университет: 1819–1944 / отв. ред. В. В. Мавродин. М. : «Совет. наука», 1945. 184 с.
- ²⁸ Рубинштейн Сергей Леонидович (1889–1960) – психолог, философ, член-корреспондент АН СССР (1943), действительный член АПН РСФСР (1945). Брат Н. Л. Рубинштейна.

- ²⁹ Волгин Вячеслав Петрович (1879–1962) – историк, академик АН СССР (1930), вице-президент АН СССР (1942–1953).
- ³⁰ См.: Вайнштейн О. Л. Экономические предпосылки борьбы за Балтийское море и внешняя политика России в середине XVII в. *Уч. зап. Ленинград. гос. ун-та. Серия ист. наук.* 1951. Вып. 18. С. 157–184.
- ³¹ В библиографии О. Л. Вайнштейна подобная брошюра не значиться. См. Корсакова Н. Л., Тутова А. Ф. Научные труды О. Л. Вайнштейна. *Средние века.* 1988. Вып. 51. С. 325–332.
- ³² Год определен по штемпелю на почтовой карточке.
- ³³ Тронская Мария Лазаревна (урожд. Гурфинкель, 13 января 1894 (31 декабря 1893) – 1987) – историк литературы, литературовед, доктор филологических наук (1963) и Тронский Иосиф Моисеевич (урожд. Троцкий 1897–1970) – филолог-классик, специалист по античной литературе, доктор филологических наук (1941).
- ³⁴ Год определен по штемпелю на почтовой карточке.
- ³⁵ Военно-морская академия кораблестроения и вооружения имени академика А. Н. Крылова.
- ³⁶ Научная сессия, посвященная 70-летию со дня рождения И. В. Сталина.
- ³⁷ Рубинштейн Дмитрий Леонидович (1893–1950) – ученый-биофизик, доктор наук, профессор. Брат С. Л. и Н. Л. Рубинштейнов.
- ³⁸ См.: Вайнштейн О. Л. Роль и значение нашей Родины в истории Западной Европы в средние века. *Вест. Ленингр. гос. ун-та.* 1950. № 5. С. 61–79.
- ³⁹ *Opus* (лат.) – работа.
- ⁴⁰ См.: Вайнштейн О. Л. Происхождение некоторых западноевропейских наций в свете марксистско-ленинского учения о нации. *Уч. зап. ист. фак. / Киргиз. гос. ун-т.* 1954. Вып. 3. С. 105–125.
- ⁴¹ Лурье Соломон Яковлевич (1890 (1891)–1964) – филолог-эллинист, историк античности и науки. Доктор исторических (1934) и филологических наук (1943). Профессор Ленинградского (1934–1941, 1943–1949) и Львовского (1953–1964) университетов.
- ⁴² Год определен по штемпелю на почтовой карточке.
- ⁴³ Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.
- ⁴⁴ Евгений Скайлер (Eugene Schuyler, 1840–1890) – американский дипломат, путешественник, писатель, публицист, переводчик. См.: Schuyler E. *Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Buchara and Kuldga. In two volumes.* New York: Scribner, Armstrong & co, 1876.
- ⁴⁵ Место отправления определено по штемпелю на почтовой карточке.
- ⁴⁶ Место отправления определено по штемпелю на почтовой карточке.
- ⁴⁷ Год определен по штемпелю на почтовой карточке.
- ⁴⁸ Министерство высшего и среднего специального образования СССР.
- ⁴⁹ *Qui vivra, verra* (фр.) – поживем увидим; будущее покажет.
- ⁵⁰ Год указан исходя из содержания текста письма.
- ⁵¹ Подчеркнуто автором эпистолии.
- ⁵² Подчеркнуто автором эпистолии.
- ⁵³ Подчеркнуто автором эпистолии.
- ⁵⁴ Год указан исходя из содержания текста письма.
- ⁵⁵ Год указан исходя из содержания текста письма.
- ⁵⁶ Год определен по штемпелю на почтовой карточке.

- ⁵⁷ Место отправления определено по штемпелю на почтовой карточке.
- ⁵⁸ Год определен по штемпелю на почтовой карточке.
- ⁵⁹ Год указан исходя из содержания текста письма.
- ⁶⁰ Подчеркнуто автором письма.
- ⁶¹ Материал был опубликован в формате статьи. См.: Вайнштейн О. Л. Иностранные путешественники о Киргизии 60–70-х гг. XIX в. : общий библиогр. обзор. *Уч. зап. ист. фак.* / Киргиз. гос. ун-т. 1958. Вып. 5. С. 39–72.
- ⁶² *Opus magnum* (лат.) – великая работа.
- ⁶³ Ленинградское отделение Института истории АН СССР.
- ⁶⁴ Год указан исходя из содержания текста письма.
- ⁶⁵ Дубровский Сергей Митрофанович (1900–1970) – историк, специалист в области аграрной и экономической истории России конца XIX – начала XX вв.
- ⁶⁶ Граве Берта Борисовна (урожд. Эйдельмант) (1901–1979) – доктор исторических наук, профессор.
- ⁶⁷ Валк Сигизмунд Натанович (1887–1975) – историк, археограф, архивист, библиограф. Доктор исторических наук (1936), профессор (1946).
- ⁶⁸ Предтеченский Анатолий Васильевич (1893–1966) – историк, доктор исторических наук (1941).
- ⁶⁹ Левченко Митрофан Васильевич (1890–1955) – историк, византист, доктор исторических наук (1940).
- ⁷⁰ Косачевская Евдокия Марковна (1907–2003) – историк, доцент Ленинградского университета (1943–1965).
- ⁷¹ Корнатовский Николай Арсеньевич (1902–1977) – историк, доктор исторических наук (1940).
- ⁷² Кочаков Борис Михайлович (1906–1965) – историк, преподавал в Ленинградском университете (1946–1947, 1953–1961).
- ⁷³ Рубинштейн Григорий Леонидович (1891–1959) – доктор экономических наук, в 1930-х гг. профессор Ленинградского инженерно-экономического института. Брат С. Л., Н. Л. и Д. Л. Рубинштейнов. О них см.: Левченко В. В. Научная династия «одесских» Рубинштейнов – феномен мировой культуры. *Евреи Европы и Ближнего Востока : история, языки, традиция, культура*. СПб., 2015. Вып. 10. С. 151–158.
- ⁷⁴ Место отправления указано исходя из содержания текста эпистолии.
- ⁷⁵ Год указан исходя из содержания текста эпистолии.
- ⁷⁶ См.: Вайнштейн О. Л. Новейшая буржуазная литература по истории исторической науки: Обзор. *Вопр. истории*. 1956. № 3. С. 146–157.
- ⁷⁷ См.: Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII века. М. : Политиздат, 1957. 496 с.
- ⁷⁸ Леопольд фон Ранке (1795–1886) – историограф, теоретик исторической науки.
- ⁷⁹ Лео Штерн (1901–1982) – немецкий историк и общественный деятель, член АН ГДР (1955), профессор университета в Галле (1950).
- ⁸⁰ О. Л. Вайнштейн неверно указал номер журнала. Рецензия была опубликована в № 2. См.: Вайнштейн О. Л., Чагин Б. А. Рецензия. *Вопр. истории*. 1957. № 2. С. 175–182. Рец. на кн.: Из истории социально-политических идей : сб. ст. к 75-летию акад. В. П. Волгина. М. : Изд-во АН СССР. 752 с.
- ⁸¹ См.: Алексеев-Попов В. С. «Социальный кружок» и его политические и социальные требования (1790–1791 гг.). *Из истории социально-политических идей : сб. ст. : к*

- 75-летию акад. В. П. Волгина. М. : Изд-во АН СССР, 1955. С. 299–339.
- ⁸² См.: Всемирная история : в 10 т. / под. ред. Я. Я. Зутиса. М., 1958. Т. 5. 782 с.
- ⁸³ См.: Вайнштейн О. Л. Леопольд фон Ранке и современная буржуазная историография. *Критика новейшей буржуазной историографии : сб. ст.* / под ред. О. Л. Вайнштейна. М. : Л., 1961. С. 113–149.
- ⁸⁴ См.: Вайнштейн О. Л. Ценные документы по истории СССР в архивах Швеции. *Вестн. АН СССР*. 1957. № 1. С. 83–91.
- ⁸⁵ Место отправления определено по штемпелю на почтовой карточке.
- ⁸⁶ Год указан исходя из содержания текста эпистолии.
- ⁸⁷ См.: Всемирная история : в 10 т. / под. ред. Я. Я. Зутиса. М., 1958. Т. 5. 782 с.
- ⁸⁸ Место отправления указано исходя из содержания текста эпистолии.
- ⁸⁹ Год указан исходя из содержания текста эпистолии.
- ⁹⁰ Год указан исходя из содержания текста эпистолии.
- ⁹¹ Речь идет о поэтессе Л. Г. Бать и ее супруге С. Е. Мотолянском.
- ⁹² Подчеркнуто автором эпистолии.
- ⁹³ Место отправления указано по штемпелю почтовой карточки.
- ⁹⁴ Год указан по штемпелю почтовой карточки.
- ⁹⁵ Слово написано неразборчиво.
- ⁹⁶ Готалов-Готлиб Артемий Григорьевич (1866–1960) – педагог и историк, доктор педагогических наук (1940), профессор Одесского университета (1940–1941, 1944–1952).
- ⁹⁷ Место отправления указано по штемпелю на почтовой карточке.
- ⁹⁸ Год указан по штемпелю на почтовой карточке.
- ⁹⁹ Подчеркнуто автором эпистолии.
- ¹⁰⁰ Место отправления указано по штемпелю на почтовой карточке.
- ¹⁰¹ Год указан по штемпелю на почтовой карточке.
- ¹⁰² Место отправления указано по штемпелю на почтовой карточке.
- ¹⁰³ Год указан по штемпелю на почтовой карточке.
- ¹⁰⁴ Мерзон Александр Цезаревич.
- ¹⁰⁵ Эйхенбаум Борис Михайлович (1886–1959) – литературовед, доктор филологических наук (1936).
- ¹⁰⁶ Место отправления указано по адресу отправителя на почтовой карточке.
- ¹⁰⁷ Дата указана по штемпелю на почтовой карточке.
- ¹⁰⁸ Год указан исходя из содержания текста письма.
- ¹⁰⁹ Хвостов Владимир Михайлович (1905–1972) – историк, специалист по истории нового времени и международных отношений. Член-корреспондент (1953) и академик (1964) АН СССР.
- ¹¹⁰ XI Международный конгресс исторических наук, состоявшийся в Стокгольме 21–28 августа 1960 г.
- ¹¹¹ Сергей Иванович Ковалев (1886–1960) – историк античности, доктор исторических наук (1938).
- ¹¹² Место отправления указано по штемпелю на почтовой карточке.
- ¹¹³ Загоровский Евгений Александрович (1885–1938) – историк, в период 1910-х – 1930-х гг. преподавал в разных вузах Одессы.
- ¹¹⁴ Год приблизительно указан исходя из содержания текста эпистолии.
- ¹¹⁵ Место отправления указано по штемпелю на почтовой карточке.
- ¹¹⁶ Год указан по штемпелю на почтовой карточке.

- ¹¹⁷ Место отправления указано по штемпелю на почтовой карточке.
- ¹¹⁸ Год указан по штемпелям отправления и получения почтовой карточки.
- ¹¹⁹ Место отправления указано по штемпелю на почтовой карточке.
- ¹²⁰ Год указан по штемпелям отправления и получения почтовой карточки.
- ¹²¹ Место отправления указано по штемпелю на почтовой карточке.
- ¹²² Дата указана по штемпелю отправления почтовой карточки.
- ¹²³ Место отправления указано по штемпелю на почтовой карточке.
- ¹²⁴ Год указан по штемпелям отправления и получения почтовой карточки.
- ¹²⁵ Гурфинкель Нина Лазаревна (1898–1984) – литературовед, театровед, переводчица. Сестра М. Л. Тронской.
- ¹²⁶ Год указан по содержанию текста письма.
- ¹²⁷ См.: Боровой С. Я. Об экономических воззрениях Пушкина в начале 1830-х гг. *Пушкин и его время*. Л., 1962. Вып. 1. С. 246–264.
- ¹²⁸ Надежда Осиповна Пушкина (1775–1836) – мать А. С. Пушкина.
- ¹²⁹ Подчеркнуто автором письма.
- ¹³⁰ Подчеркнуто автором письма.
- ¹³¹ Дата указана по содержанию текста письма.
- ¹³² Дата дописана другим подчерком.
- ¹³³ Залесский Николай Николаевич (1900–1984) – антиковед, этрусколог. Доктор исторических наук, профессор ЛГУ.
- ¹³⁴ Место отправления указано по штемпелю на почтовой карточке.
- ¹³⁵ Дата указана по штемпелю отправления почтовой карточки.
- ¹³⁶ Дата указана по содержанию текста письма.
- ¹³⁷ Год указан по содержанию текста письма.
- ¹³⁸ Приблизительная дата указана по содержанию текста.
- ¹³⁹ *Zeitnot* (нем.) – недостаток времени.
- ¹⁴⁰ Год указан по содержанию текста письма.
- ¹⁴¹ Научная сессия «Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма», Москва, 11–13 мая 1966 г.
- ¹⁴² Чистозвонов Александр Николаевич (1914–1998) – историк, доктор исторических наук, специалист по теории истории (в частности, по вопросам генезиса капитализма).
- ¹⁴³ Год указан по содержанию текста.
- ¹⁴⁴ XIII международный конгресс исторических наук, Москва, 16–23 августа 1970 г.
- ¹⁴⁵ V Международный конгресс экономической истории, Ленинград 1970 г.
- ¹⁴⁶ Скржинская Елена Чеславовна (1894 (1897?) – 1981) – историк-медиевист, филолог, доктор исторических наук (1961).
- ¹⁴⁷ Люблинская Александра Дмитриевна (1902–1980) – историк, архивист, палеограф, специалист по истории западноевропейского Средневековья и раннего нового времени, доктор исторических наук (1951).
- ¹⁴⁸ Фурсенко Александр Александрович (1927–2008) – историк-американист, академик АН СССР (1990).
- ¹⁴⁹ Год указан по штемпелю на почтовой карточке.
- ¹⁵⁰ Носов Николай Евгеньевич (1924–1985) – историк, руководитель ЛОИИ (1961–1981).
- ¹⁵¹ См.: Вайнштейн О. Л. Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX–XX вв. / под ред. В. И. Рутенбурга. Л., 1979. 270 с.

- ¹⁵² Одеський державний університет.
¹⁵³ Дата указана по штемпелю на поштової карточке.
¹⁵⁴ Дата указана по штемпелю на поштової карточке.
¹⁵⁵ Подчеркнуто автором письма.
¹⁵⁶ Дата указана по штемпелю на поштової карточке.
¹⁵⁷ Дата указана по штемпелю на поштової карточке.
¹⁵⁸ Слово написано неразборчиво.

Список использованных источников и литературы

1. Державний архів Одеської області. – Ф. Р-7400. – Оп. 2. – Спр. 18. – 87 арк.
2. *Боровой С.* Воспоминания / С. Боровой. – М. : Иерусалим, 1993. – 384 с.

References

- [1]. Derzhavnyi arkhiv Odeskoi oblasti [State Archives of the Odessa Region]. Fund P-7400, inventory 2, dossier 18, 87 p.
- [2]. Borovoy S. *Vospominaniya [Memoirs]*. Moskva, Ierusalim, 1993, 384 p.

Поступила 24.09.2018 р.

Левченко В. В.,

кандидат історичних наук,
доцент кафедри українознавства, історико-правових та мовних дисциплін
Одеського національного морського університету
вул. Мечникова, 34, м. Одеса, 65029, Україна
тел.: (048) 728 31 18
e-mail: levchenko_lav@ukr.net

ЕПІСТОЛІЙ І. Л. ВАЙНШТЕЙНА ДО С. Я. БОРОВОГО: ІСТОРИЧНЕ ДЖЕРЕЛО ІСТОРІЇ ЖИТТЯ РАДЯНСЬКИХ ВЧЕНИХ 1940-х – 1970-х рр.

У статті представлено епістоли радянського історіографа, історика-медієвіста, теоретика історичної науки Й. Л. Вайнштейна (1894–1980) до колеги – спеціаліста з соціально-економічної історії ХVI–ХІХ С. Я. Борового (1903–1989). Опубліковані листи хронологічно охоплюють 1944–1976 рр., період їх зрілої наукової діяльності, наявності авторитету та провідних позицій у середовищі наукової корпорації, появи основних наукових праць. Ці послання містять у собі визнання автора в дружбі й повазі до адресата та його дружини, відображають близьке колегіальне оточення вченого, характеризують умови повсякденного життя радянської інтелектуальної спільноти. Представлені матеріали відображають основні віхи професійної діяльності двох вчених-істориків, колізії їх просування по службі,

умови адаптації в період проведення радянською владою політичної кампанії у «боротьбі з космополітизмом», новини та пересуди щодо колег. Зміст епістолій дозволяє відтворити суттєві деталі розвитку радянської історичної науки, університетської системи освіти та фрагменти біографії деяких вчених. Опубліковані листи відтворюють дискусійні питання істориків навколо певних проблем радянської історіографії та досліджень у галузі медієвістики, демонструють критичні висловлювання і заперечення Й. Л. Вайнштейна на адресу колег, зокрема В. В. Мавродіна, Б. Ф. Поршнева, О. М. Чистозвонова та інших. У текстах листів охарактеризовано умови написання і підготовки до публікації його монографій «Россия и Тридцатилетняя война 1618–1648 гг.» (1947), «Западноевропейская средневековая историография» (1964), «История советской медиевистики: 1917–1966» (1968), «Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX–XX вв.» (1979) та низки інших наукових видань. Публікація епістолій супроводжується досить повними коментарями щодо їх змісту та вводить до наукового обігу цінне історичне джерело, що зберігається в Державному архіві Одеської області.

Ключові слова: Й. Л. Вайнштейн, С. Я. Боровий, Ленінград, Одеса, Фрунзе, університет, історія, історична наука, історіографія, медієвістика.

Levchenko V. V.,

Candidate of Historical Sciences (Ph. D.),

docent of the Department of Ukrainian studies, historical-legal and linguistic disciplines

Odessa National Maritime University

34 Mechnikov St., Odessa, 65029, Ukraine

tel.: (048) 728 31 18

e-mail: levchenko_lav@ukr.net

**EPISTLES FROM Y. L. VAINSHTEIN TO S. YA. BOROVYI:
HISTORICAL SOURCE OF THE HISTORY OF LIFE OF THE
SOVIET SCIENTISTS FROM THE 1940s TO THE 1970s.**

Summary

The article focuses on the epistolary of the famous Soviet historiographer, theorist of historical science, historian-medievalist O. L. Vainshtein (1894–1980) to a Soviet historian, specialist in social and economic history of the 16th–19th centuries S. Ya. Borovyi (1903–1989). The epistles, which were published, cover 1944–1976, the period of their mature scientific activity, the presence of authority and leading positions among the academic corporation, the appearance of basic scientific works. These messages include the recognition

of the author in friendship and respect for the addressee and his wife, reflect the close collegial environment of the scientist, and characterize the conditions of everyday life of the Soviet intellectual community. The presented materials reflect the main milestones of Vainshtein's professional activity, the collision of his promotion, the conditions of his stay in the «exile» during the Soviet government's political campaign to «fight against cosmopolitanism», news and news mongering about colleagues. The epistles allow us to recreate the essential details of the development of Soviet historical science, the university system of education and fragments of biographies of a number of scientists. The published messages reproduce the discussion questions of historians about certain problems of Soviet historiography, research in the field of medieval studies, critical remarks and objections of Vainshtein to colleagues, in particular V. V. Mavrodin, B. F. Porshnev, A. N. Chistovzonov and others. The epistles of O. L. Vainshtein are characterized by the conditions for the preparation and publication of his monographs «Russia and the Thirty Years' War of 1618–1648» (1947), «Western European Medieval Historiography» (1964), «The History of Soviet Medieval Studies: 1917–1966» (1968), «Essays on the development of bourgeois philosophy and methodology of history in the XIX–XX centuries» (1979) and other scientific publications. The publication of epistles is accompanied by complete comments on their content and introduces a valuable historical source stored in the State Archives of the Odessa region.

Keywords: O. L. Vainshtein, S. Ya. Borovy, Leningrad, Odessa, Frunze, university, history, historical science, historiography, medieval studies.